

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение практики и правовых позиций
международных договорных и внедоговорных органов
ООН, действующих в сфере защиты прав и свобод
человека, по вопросам защиты *права лица на уважение
личной и семейной жизни*¹**

2024 г.

¹ Для сведения: ранее в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков \(рабочих групп\), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.](#)

Ввиду прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в настоящем Обобщении были изложены отдельные практика и правовые позиции исключительно международных договорных и внедоговорных органов, действующих под эгидой Организации Объединенных Наций, без упоминания о соответствующей практике и правовых позициях Европейского Суда по права человека.

Переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых, а равно ссылки на которые приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций: URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

Содержание:

Правовые позиции международных договорных и внедоговорных органов ООН по вопросу защиты права лица на уважение личной и семейной жизни 7

Общие положения.....7

Понятие «личная жизнь».....8

Понятие «семейная жизнь» («семья») 10

Критерии (условия) правомерного вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни 10

 соблюдение критерия законности при осуществлении вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни 13

 соблюдение критерия необходимости (пропорциональности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни.....14

Позитивные обязательства государства по защите права лица на уважение личной и семейной жизни. Защита от нарушения указанного права со стороны частных лиц 14

Процедурные (процессуальные) аспекты защиты права лица на уважение личной и семейной жизни. Право на эффективные средства правовой защиты 16

Неприкосновенность личной жизни при использовании современных информационных технологий.....16

Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни 19

 охрана окружающей среды 19

 использование персональных (личных) данных; хранение, обработка и защита указанных данных; сбор ДНК-материала 21

 реализация принципа прозрачности при обработке персональных данных с помощью искусственного интеллекта.....35

 правовые механизмы защиты персональных данных в эпоху цифровых технологий 35

 вопросы реализации положений Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.....45

 вопросы миграционного контроля (защита права лица на проживание со своей семьей).....50

Практика международных договорных органов ООН по вопросу защиты права лица на уважение личной и семейной жизни.....52

 право лица на уважение личной жизни 52

 право на имя.....52

 практика Комитета ООН по правам ребенка 52

 практика Комитета ООН по правам человека 53

 охрана окружающей среды (в аспекте защиты прав коренных народов).....55

 практика Комитета ООН по правам человека 55

 обеспечение сохранности персональных данных 59

практика Комитета ООН по правам человека	59
право лица на уважение семейной жизни	65
реализация Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.....	65
практика Комитета ООН по правам человека	65
практика Комитета ООН по правам ребенка	69
в сфере миграционных отношений (в том числе вопросы привлечения лица к ответственности в виде административного выдворения; вопросы депортации)	76
практика Комитета ООН по правам человека	76
в сфере исполнительного производства (в аспекте защита прав и законных интересов детей).....	91
практика Комитета ООН по правам человека	91

Согласно статье 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года «[н]икто не может подвергаться произвольному вмешательству *в его личную и семейную жизнь*, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

В силу статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года «1. Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству *в его личную и семейную жизнь*, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию.

2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Статьей 23 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается: «1. *Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.*

2. За мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью.

3. Ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия вступающих в брак.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства должны принять надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время нахождения в браке и при его расторжении. В случае расторжения брака должна предусматриваться необходимая защита всех детей».

Договорные органы ООН, практика которых была упомянута в рамках Обобщения

Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта².

Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц,

² **Для сведения:** в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32003/.

находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции³.

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции⁴.

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и, соответственно, признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции⁵.

Комитет ООН по правам инвалидов действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора. По состоянию на 1 апреля 2024 года Российская Федерация компетенцию Комитета на принятие индивидуальных сообщений не признавала⁶.

³ **Для сведения:** в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН против пыток по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32006/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32006/.

⁴ **Для сведения:** в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32236/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32236/.

⁵ **Для сведения:** в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по рассмотрению индивидуальных сообщений, в том числе поданных в отношении Российской Федерации](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32216/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32216/.

⁶ **Для сведения:** в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН по правам инвалидов, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32305/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32305/.

Комитет ООН по правам ребенка действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года). Российская Федерация является государством - участником указанной Конвенции в качестве государства - продолжателя Союза ССР. Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН. По состоянию на 1 апреля 2024 года Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры подачи сообщений⁷.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами - участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора в качестве государства - продолжателя Союза ССР. Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 года. По состоянию на 1 апреля 2024 года Российская Федерация участником этого Протокола не являлась⁸.

⁷ Для сведения: в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32336/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32336/.

⁸ Для сведения: в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен [Обзор практики Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений](https://vsrf.ru/documents/international_practice/32325/). Размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32325/.

Правовые позиции международных договорных и внедоговорных органов ООН по вопросу защиты права лица на уважение личной и семейной жизни

Общие положения

Практика Комитета ООН по правам человека

Статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] предусматривает *право каждого человека на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь, произвольных или незаконных посягательств на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции, а также от незаконных посягательств на его честь и репутацию*. По мнению Комитета, это право должно быть подкреплено гарантиями от любого такого вмешательства и таких посягательств, независимо от того, совершаются ли они государственными органами, физическими или юридическими лицами. Обязательства, вытекающие из данной статьи, требуют от государства принятия законодательных и других мер для действенного запрещения такого вмешательства и таких посягательств, а также защиты этого права (пункт 1 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

*Неприкосновенность частной жизни*⁹ является основным правом человека, которое было определено в качестве презумпции того, что в жизни частных лиц должна существовать область, связанная с их независимым развитием, взаимодействием и свободой, то есть сфера «частной жизни», при наличии или отсутствии отношений с другими лицами, которая является свободной от вмешательства государства, а также свободной от чрезмерного нежелательного вмешательства со стороны других лиц, не имеющих на это разрешения. Эволюция права на неприкосновенность частной жизни проходила по двум различным направлениям. В универсальных документах, посвященных правам человека, основное внимание сосредоточено на *негативном* аспекте права на неприкосновенность частной жизни путем установления запретов на любое произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, посягательство на неприкосновенность жилища или тайну

⁹ В рамках настоящего Обобщения понятия «личной жизни» и «частной жизни» рассматриваются как синонимы.

корреспонденции, в то время как в некоторые региональные и национальные документы также включен и *позитивный* аспект: каждый имеет право на уважение его/ее личной и семейной жизни, его/ее жилища и корреспонденции или право на его/ее достоинство, личную неприкосновенность или признание и уважение доброй репутации. Хотя право на неприкосновенность частной жизни не всегда прямо упоминается в конституциях в качестве отдельного права, практически все государства признают его значение *в качестве принципа, имеющего конституционную важность*. В некоторых странах право на неприкосновенность частной жизни возникает путем расширительного толкования принципов обычного права, относящихся к нарушению доверия, праву на свободу, свободе на выражение мнений или праву на должную процедуру. В других странах право на неприкосновенность частной жизни возникает как религиозная ценность. Таким образом, *право на неприкосновенность частной жизни является не только основным правом человека, но и таким правом человека, из которого возникают другие права человека и формируются базовые принципы любого демократического общества* (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 года).

Понятие «личная жизнь»

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет обращает внимание, что рыба, прочие морские ресурсы, огородные культуры и плоды деревьев составляют основу пропитания и являются источниками средств к существованию авторов и что благополучие авторов зависит от состояния окружающих экосистем... Комитет считает, что *названные выше элементы составляют традиционный укоренившийся образ жизни авторов, которые поддерживают особые отношения со своей территорией*, и что эти элементы могут подпадать под действие статьи 17 Пакта ([пункт 8.10 Соображений Комитета по правам человека от 21 июля 2022 года по делу Дэниэл Билли и другие против Австралии](#)).

Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие [статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах] подпадает *решение женщины просить о прерывании беременности* (пункт 7.7 Соображений Комитета по правам человека от 31 марта 2016 года по делу Аманда Джейн Меллет против Ирландии).

Практика Комитета ООН по правам ребенка

Комитет считает, что *дата рождения ребенка является элементом его личности и что государства-участники обязаны уважать право ребенка на ее сохранение, не лишая ее каких-либо элементов* (пункт 8.14 Соображений Комитета по правам ребенка от 29 января 2021 года по делу *К.О.К. против Испании*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Хотя понятие «частная жизнь» существует во всех обществах и культурах и сохраняется на протяжении всей истории человечества, нет какого-либо обязательного и общепринятого определения этого понятия. Для лучшего понимания права на неприкосновенность частной жизни необходимо рассмотреть его с двух различных точек зрения.

Во-первых, следует изучить вопрос о том, каковы *элементы позитивной основы этого права*.

Во-вторых, возникает вопрос о том, как ограничить это право, прибегнув к *негативному определению* (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Как подтвердил Совет по правам человека в своей резолюции 28/16, *статья 12 Всеобщей декларации прав человека и статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах составляют основу права на неприкосновенность частной жизни в рамках международного права прав человека*. Если при этом иметь в виду ряд других международных и национальных правовых документов, включая конституции и соответствующие законы, то это означает, что *в мире существует значительная правовая база, которая могла бы быть полезной для защиты и поощрения права на неприкосновенность частной жизни*. Полезность этой правовой основы, тем не менее, серьезно страдает от *отсутствия общепринятого и общепризнанного определения неприкосновенности частной жизни*. Даже если 193 государства поставили свои подписи под принципом защиты неприкосновенности частной жизни, это мало что значит в отсутствие четкого понимания того, что именно они договорились защищать (пункт 20 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Понятие «семейная жизнь» («семья»)

Практика Комитета ООН по правам человека

Что касается термина «семья», то назначение [Международного пакта о гражданских и политических правах] требует, чтобы для целей статьи 17 это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника (пункт 5 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Комитет отмечает, что понятие «семьи» в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства, в связи с чем не представляется возможным дать стандартное определение этому понятию. Вместе с тем Комитет подчеркивает, что когда в законодательстве и практике какого-либо государства группа лиц рассматривается в качестве семьи, то она должна являться объектом защиты, предусмотренной статьей 23 [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 2 Замечания общего порядка № 19. Статья 23 «Семья». Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990)).

Комитет напоминает, что статья 23 Пакта гарантирует защиту семейной жизни, включая заинтересованность в воссоединении семьи. Комитет отмечает, что для целей Пакта термин «семья» должен толковаться широко и охватывать всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в соответствующем обществе. Право на защиту семейной жизни необязательно утрачивается из-за географического разделения семьи, супружеской неверности или отсутствия супружеских отношений. Тем не менее изначально должен существовать предмет защиты в форме семейных уз (пункт 10.4 Соображений Комитета по правам человека от 25 июля 2019 года по делу *Нимо Мохаммед Аден и Либан Мохаммед Хассан против Дании*).

Критерии (условия) правомерного вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни

Практика Комитета ООН по правам человека

Поскольку все люди живут в обществе, защита личной жизни не может быть абсолютной (пункт 7 Замечания общего порядка № 16.

Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

*Вмешательство в личную или семейную жизнь по смыслу статьи 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] не должно носить произвольный¹⁰ или незаконный характер... Комитет должен рассмотреть вопрос о том, носит ли такое вмешательство произвольный характер. Комитет ссылается на свою правовую практику, из которой следует, что понятие «произвольность» призвано обеспечить, чтобы любое вмешательство соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах. Следовательно, любое вмешательство в личную и семейную жизнь должно быть соразмерным законной преследуемой цели и необходимым с учетом обстоятельств каждой конкретной ситуации (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам человека от 17 марта 2017 года по делу *G. против Австралии*).*

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Специальный докладчик придерживается мнения о том, что, несмотря на различия в формулировках¹¹, статью 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах].... следует толковать в качестве

¹⁰ «Выражение «произвольное вмешательство» также связано с защитой права, предусмотренного в статье 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах]. По мнению Комитета, выражение «произвольное вмешательство» может также распространяться на допускаемое законом вмешательство. Введение понятия «произвольность» призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах» (пункт 4 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

¹¹ «В соответствии с формулировкой статьи 17 Пакта запрещены «произвольное или незаконное» вмешательство в личную и семейную жизнь или тайну корреспонденции, а также «незаконные посягательства» на честь и репутацию лица. Эта формулировка может быть сопоставлена с формулировкой положений пункта 3 статьи 12; пункта 3 статьи 18, пункта 3 статьи 19; и пункта 2 статьи 21 и статьи 22, в которых детализированы элементы процедуры проверки допустимости соответствующих ограничений. Наиболее подробно эта процедура описана в статье 21 и в пункте 3 статьи 22, где указаны следующие три элемента: а) ограничения должны налагаться национальным законом; б) они должны быть необходимы в демократическом обществе; и с) они должны служить одной из законных целей, изложенных в каждом из положений, содержащих клаузулу об ограничениях» (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 года).

содержащей... элементы процедуры проверки на допустимость ограничений¹². Ограничения, не установленные законом, являются «незаконными» по смыслу статьи 17, а ограничения, не являющиеся необходимыми и не направленными на достижение законной цели, представляют собой «произвольное» вмешательство в права, предусмотренные статьей 17. Таким образом, ограничение права на неприкосновенность частной жизни или другие положения статьи 17 являются предметом проверки на допустимость ограничений, как это указано в Замечании общего порядка № 27 (1999 год) Комитета по правам человека.... Проверка на допустимость ограничений... включает в себя, среди прочего, следующие элементы:

а) Любые ограничения должны предусматриваться законодательством (пункты 11-12).

б) Существо права человека не должно быть ущемлено ограничениями (пункт 13).

с) Ограничения должны являться необходимыми в демократическом обществе (пункт 11).

д) Любые дискреционные полномочия лиц, которым поручено применение ограничений, не должны быть неограниченными (пункт 13).

е) Для обеспечения допустимости ограничений недостаточно, чтобы они служили достижению одной из указанных законных целей; они должны быть необходимыми для достижения законной цели (пункт 14).

ф) Ограничительные меры должны соответствовать принципу соразмерности; они должны быть уместными для выполнения своей защитной функции; они должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат; и они должны являться соразмерными защищаемому интересу (пункты 14-15).

г) Любые ограничения не должны противоречить другим правам, гарантируемым Пактом (пункт 18) (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 года).

¹² «Наиболее подробно... процедура [проверки допустимости соответствующих ограничений] описана в статье 21 [Международного пакта о гражданских и политических правах] и в пункте 3 статьи 22, где указаны следующие три элемента: а) ограничения должны налагаться национальным законом; б) они должны быть необходимы в демократическом обществе; и с) они должны служить одной из законных целей, изложенных в каждом из положений, содержащих клаузулу об ограничениях» (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 года).

соблюдение критерия законности при осуществлении вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни

Практика Комитета ООН по правам человека

[В] статье 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] *речь идет о защите как от незаконного, так и от произвольного вмешательства. Это означает, что именно в законодательстве государства должна быть, прежде всего, предусмотрена защита права, закрепленного в этой статье (пункт 2 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).*

Термин «незаконное» означает, что вмешательство вообще не может иметь места за исключением случаев, предусмотренных законом. *Вмешательство, разрешаемое государствами, может совершаться только на основании закона, который должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 3 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).*

Комитет напоминает, что вмешательство не является «неправомерным» по смыслу пункта 1 статьи 17 Пакта, если оно соответствует применимому внутреннему законодательству в его толковании национальными судами (пункт 7.3 Соображений Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года по делу *Махараджей Мадхевоо против Маврикии*)).

*[С]ам закон «должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта [о гражданских и политических правах]», а его применение должно в любом случае быть «обоснованным в конкретных обстоятельствах» (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 13 июля 2017 года по делу *Петр Гатилов против Российской Федерации*).*

[С]огласно статье 7 Конвенции [о правах ребенка] применение государствами-участниками *права на имя должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством (пункт 4.2 Решения Комитета по правам ребенка от 17 января 2017 года по делу *Х. А. Б. С. (действующего в интересах А. Б. Х. и М. Б. Х.) против Коста-Рики*).*

соблюдение критерия необходимости (пропорциональности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни

Практика Комитета ООН по правам человека

Даже в отношении вмешательства, которое соответствует [Международному пакту о гражданских и политических правах], в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. *Решение о санкционировании такого вмешательства должно приниматься только конкретным органом, предусмотренным законом, и строго индивидуально* (пункт 8 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Комитет напоминает о своем [3]амечании общего порядка № 16 (1988) о праве на неприкосновенность личной жизни, согласно которому *концепция произвольности призвана гарантировать, что даже в случае допустимого по законодательству вмешательства оно должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно быть разумным с учетом конкретных обстоятельств* (пункт 7.8 Соображений Комитета по правам человека от 31 марта 2016 года по делу *Аманда Джейн Меллет против Ирландии*).

[Л]юбому вмешательству в личную и семейную жизнь надлежит соразмерным законной преследуемой цели и необходимым с учетом обстоятельств каждой конкретной ситуации (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года по делу *Махараджей Мадхевеоо против Маврикия*).

Позитивные обязательства государства по защите права лица на уважение личной и семейной жизни. Защита от нарушения указанного права со стороны частных лиц

Практика Комитета ООН по правам человека

Государства-участники обязаны не участвовать сами в осуществлении вмешательств, несовместимых со статьей 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах], и обеспечивать правовую основу, запрещающую такие действия со стороны физических или юридических лиц (пункт 9 Замечания общего порядка № 16.

Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

Для обеспечения защиты, предусмотренной в статье 23 [Международного пакта о гражданских и политических правах], *необходимо, чтобы государства-участники приняли меры законодательного, административного и иного характера* (пункт 3 Замечания общего порядка № 19. Статья 23 «Семья». Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990).

Комитет напоминает, что государства-участники должны *предотвращать вмешательство в личную и семейную жизнь человека и посягательства на неприкосновенность его жилища, когда такое вмешательство и посягательства исходят не от государства, по крайней мере в тех случаях, когда они являются предсказуемыми и серьезными*. Таким образом, в тех случаях, когда экологический ущерб создает угрозу нарушения личной и семейной жизни авторов и посягательства на их жилище, государства-участники *должны препятствовать серьезному вмешательству в личную и семейную жизнь людей, находящихся под его юрисдикцией, и посягательствам на их жилища* (пункт 8.9 Соображений Комитета по правам человека от 21 июля 2022 года по делу Дэниэл Билли и другие против Австралии).

Комитет полагает, что статью 17 следует понимать не как ограничивающую обязанность воздерживаться от произвольного вмешательства, но как *обязательство принимать позитивные меры, необходимые для реального соблюдения прав, предусмотренных статьей 17, в случае вмешательства государственных органов либо физических или юридических лиц* (пункт 8.10 Соображений Комитета по правам человека от 21 июля 2022 года по делу Дэниэл Билли и другие против Австралии).

Комитет напоминает о том, что статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивает защиту личного достоинства и репутации и что *государства обязаны обеспечивать принятие в этих целях надлежащего законодательства* (пункт 7.6 Соображений Комитета по правам человека от 19 июля 2017 года по делу Хидирназар Аллакулов против Узбекистана).

Процедурные (процессуальные) аспекты защиты права лица на уважение личной и семейной жизни. Право на эффективные средства правовой защиты

Практика Комитета ООН по правам человека

Статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивает защиту личного достоинства и репутации, и государства обязаны обеспечивать принятие в этих целях надлежащего законодательства... Каждому должна быть также обеспечена эффективная защита от любых имевших место незаконных посягательств и эффективные средства правовой защиты от тех, кто совершает такие посягательства (пункт 11 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Для профилактики посягательств на частную жизнь граждан необходимо обеспечить им более ясную и эффективную защиту. В случаях, когда совершается такое посягательство, в распоряжении всех соответствующих лиц должны иметься реальные средства правовой защиты (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Неприкосновенность личной жизни при использовании современных информационных технологий

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Отсутствие общепринятого и общепризнанного определения понятия «неприкосновенность частной жизни» является не единственной серьезной проблемой, стоящей перед Специальным докладчиком. Даже если бы авторы всех соответствующих правовых документов включили в них общепринятое определение права на неприкосновенность частной жизни, то все равно необходимо было бы учитывать такие аспекты, как «время, место, экономика и технология». Факторы времени и влияния технологий в сочетании с различными темпами экономического развития и внедрения технологий в различных

географических точках означают, что правовые принципы, установленные 50 лет назад (когда был принят Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) или даже 35 лет назад (например, Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (1981))¹³, не говоря уже о 70 годах тому назад (Всеобщая декларация прав человека (1948), вероятно, нуждаются в пересмотре, дальнейшем развитии и, возможно, дополнении, с тем чтобы сделать их более актуальными с учетом современных реалий (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Все эти права¹⁴ имеют важное значение, и обязательства в отношении одного права не должны умалять значения и защиты другого права. *Рассмотрение прав в совокупности в тех случаях, когда это возможно, является более продуктивным, чем рассмотрение их как противоречащих друг другу.* Таким образом, по сути дела, бесполезно говорить о «неприкосновенности частной жизни в противовес безопасности», а следует скорее иметь в виду «неприкосновенность частной жизни и безопасность», поскольку как неприкосновенность частной жизни, так и безопасность необходимы. Оба права можно считать не самоцелью, а правами, создающими возможности. Безопасность является правом, создающим возможность реализации основополагающего права на жизнь, в то время как неприкосновенность частной жизни можно также рассматривать в качестве права, создающего возможности во всеобъемлющей и сложной системе информационных потоков в обществе, которые имеют основополагающее значение в плане самостоятельности и способности людей выявлять и выбирать варианты на информированной основе по мере развития собственной личности на протяжении всей жизни (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Триада¹⁵... создающих возможности прав – неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнений и свобода доступа к

¹³ Российская Федерация является участником данного международного договора.

¹⁴ Свобода выражения мнений и свобода доступа к общественной информации.

¹⁵ «Специальный докладчик твердо убежден в том, что:

- а) такое право на достойную жизнь и свободное, беспрепятственное развитие личности следует рассматривать как универсально применимое; и
- б) уже признанные права, такие как право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу выражения мнений и право на свободу доступа к

информации – существовала и до появления цифровых технологий, равно как и право на достойную жизнь и свободное, беспрепятственное развитие личности. Цифровые технологии, однако, оказали огромное воздействие на эти права, как вне сети (например, посредством использования кредитных карточек, радиочастотной идентификации и других электронных систем), так и в сетевом режиме, где в настоящее время киберграждане генерируют на десятки тысяч больше наборов данных о себе, чем они это делали два десятилетия назад, до того, как стали выходить в Интернет. *Мобильные устройства и конвергентные технологии, такие как мобильные смартфоны, где телефонная связь, Интернет и фотография сведены воедино, создают новый образ жизни, предлагают новые блага и порождают новые ожидания в плане удобства и неприкосновенности частной жизни* (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

[П]рава человека должны соблюдаться и осуществляться везде, а не только в тех местах, где располагаются серверы (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

Подобно многим другим основным правам *право на неприкосновенность частной жизни имеет динамический, а не статический характер*. Несмотря на то, что люди на протяжении тысяч лет добивались и стремились к неприкосновенности частной жизни, это не означает, что уровень защиты этого права или понимание его границ не претерпели никаких изменений за то время, пока люди постепенно делали выбор в пользу расширения такой защиты. Понятие «неприкосновенность частной жизни» развивалось с течением времени, и тот факт, что значительная доказательственная база была сформирована еще до учреждения мандата Специального докладчика и назначения действующего Специального докладчика указывает на то, каким образом понимание неприкосновенности частной жизни и осуществление этого права изменялись в контексте таких аспектов, как *«время, место и пространство»*. Вопреки распространенному мнению,

информации, представляют собой *триаду создающих возможности прав*, которые лучше всего рассматривать в контексте их полезности в деле обеспечения возможности того, чтобы человек свободно развивал свою личность» (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/HRC/31/64. Размещен 24 ноября 2016 года).

признание этого факта никоим образом не ставит под угрозу ни существование данного права, ни его всеобщий характер. Напротив, оно заставляет людей задуматься о комплексе ценностей, которые лежат в основе этого права, и о том, какие изменения должно претерпеть наше понимание этого права в связи с меняющимися обстоятельствами для того, чтобы обеспечить дальнейшую защиту этих базовых ценностей и, по мере возможностей, ее расширение. Появление и *применение новых технологий, таких как смартфоны, - это лишь один типичный пример того, почему нам необходимо пересмотреть свое понимание такого понятия, как неприкосновенность частной жизни* (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/71/368. Размещен 30 августа 2016 года).

Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение личной и семейной жизни¹⁶

охрана окружающей среды

Практика Комитета ООН по правам человека

Когда загрязнение непосредственно сказывается на соблюдении права на неприкосновенность частной и семейной жизни и жилища и его последствия имеют определенный уровень серьезности, *деградация окружающей среды влияет на благополучие человека и порождает нарушения неприкосновенности частной и семейной жизни и жилища* (пункт 8.4 Соображений Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2021 года по делу *Бенито Оливейра Перейра и Лусио Гильермо Соса Бенегас от своего имени от имени других членов коренной общины Кампо-Агуа'э народа ава-гуарани против Парагвая*. Соображение Комитета по правам человека от 14 июля 2021 года. Сообщение № 2552/2015).

По мнению Комитета, *деградация окружающей среды может отрицательно влиять на благополучие отдельных лиц и составлять предсказуемое и грубое нарушение неприкосновенности частной и семейной жизни и жилища* в тех случаях, когда воздействие изменения климата, включая деградацию окружающей среды на традиционных землях (коренных) общин, где существование в значительной степени зависит от имеющихся природных ресурсов и где отсутствуют альтернативные средства к существованию и гуманитарная помощь, оказывает непосредственное влияние на право на жилище, а неблагоприятные последствия такого воздействия носят серьезный характер в силу их

¹⁶ Упомянутый здесь перечень сфер не носит исчерпывающего характера.

интенсивности или продолжительности и причиняемого ими физического или психологического вреда ([пункт 8.12 Сообщений Комитета по правам человека от 21 июля 2022 года по делу Дэниэл Билли и другие против Австралии](#)).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Право на здоровье¹⁷ и право на жизнь¹⁸ гарантированы в нескольких основных международных договорах в области права человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. В статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах признается право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и содержатся положения, обязывающие государства улучшать «все аспекты гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности». Комитет по экономическим, социальным и культурным правам посвятил свое [З]амечание общего порядка № 14 реализации этого права, а Комитет по правам человека в своем [З]амечании общего порядка № 6 (1982) подчеркнул, что государствам-участникам необходимо принимать конструктивные меры по уменьшению рисков для здоровья и увеличению продолжительности жизни в целях поощрения права на жизнь (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с экологически обоснованным регулированием и удалением опасных веществ и отходов. A/HRC/21/48. Размещен 2 июля 2012 года).

¹⁷ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков \(рабочих групп\), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья](#). Размещено на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/27840/.

¹⁸ Для сведения: в 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь](#). Размещено на сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/30129/.

использование персональных (личных) данных; хранение, обработка и защита указанных данных; сбор ДНК-материала

Практика Комитета ООН по правам человека

Законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе. *Государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку и использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями [Международного пакта о гражданских и политических правах]*. Для наиболее эффективной защиты своей личной жизни каждое лицо должно иметь право удостовериться в ясной форме, содержится ли в автоматизированных файлах данных информация личного характера, и если содержится, то какая именно и с какой целью. Каждое лицо должно иметь также возможность удостовериться, какие государственные органы или частные лица или органы контролируют или могут контролировать их файлы. Если в таких файлах содержится неправильная информация личного характера или если она собиралась или обрабатывалась в нарушение положений закона, то *каждое лицо должно иметь право потребовать исправления или изъятия этой информации* (пункт 10 Замечания общего порядка № 16. Статья 17 «Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

Комитет считает, что сбор ДНК-материала для анализа и хранения собранного материала в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования, является достаточно интрузивной мерой и, следовательно, представляет собой «вмешательство» в личную жизнь автора в соответствии со статьей 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах]. Даже если... профиль ДНК автора был позднее уничтожен в результате нового приговора суда в рамках апелляции, то Комитет считает, что вмешательство в личную жизнь автора уже произошло (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 18 июля 2017 года по делу *Н.К. против Нидерландов*).

[В]мешательство, разрешаемое государствами, может совершаться только на основании закона, который должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта. Аналогичным образом законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в

компьютерах, банках данных или как-либо иначе (пункт 7.3 Соображений Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года по делу *Махараджей Мадхевеоо против Маврикия*)).

Комитет напоминает, что государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку или использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями Пакта (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года по делу *Махараджей Мадхевеоо против Маврикия*).

Учитывая характер и масштабы вмешательства, возникающего в связи с обязательной обработкой и регистрацией отпечатков пальцев, Комитет считает необходимым наличие четких, подробных правил, регулирующих сферу охвата и применение мер, а также минимальных гарантий, касающихся, в частности, хранения (в том числе его продолжительности), использования, доступа третьих лиц и процедур сохранения целостности и конфиденциальности данных, а также процедур их уничтожения, обеспечивая тем самым достаточные гарантии против риска злоупотреблений и произвола (пункт 7.6 Соображений Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года по делу *Махараджей Мадхевеоо против Маврикия*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Принцип законности, правомерности и легитимности

В соответствии с принципом [законности] обработка персональных данных на протяжении всего их жизненного цикла должна осуществляться контролером или обработчиком согласно законам и с соблюдением признанных на международном уровне прав человека. Это означает, что *посредством надлежащей и, следовательно, законной обработки персональных данных будет обеспечено и уважение к частной жизни, а также к другим правам и достоинству человека как субъекта данных* (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Соблюдение права на защиту персональных данных, которое признано в качестве права, обеспечивающего защиту других прав, гарантирует, что надлежащая обработка данных, касающихся физического лица, будет, в

свою очередь, гарантировать соблюдение других его основных прав (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Хотя законность должна быть основой всех действий по обработке на протяжении всего жизненного цикла персональных данных, то есть от их сбора до удаления, однако акцент обычно делается на первом действии по обработке, а именно - на сборе данных, поскольку *если это действие выполняется незаконно, это повлияет на законность других действий по обработке, которые следуют за ним* (пункт 15 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

В модернизированной Конвенции 108¹⁹ относительно легитимности обработки данных говорится, что *обработка должна преследовать законную цель на всех этапах и осуществляться в соответствии с законом* (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Согласно Руководящим принципам Организации Объединенных Наций²⁰ принцип правомерности и законности требует, чтобы *сбор и обработка личной информации осуществлялись правомерными и законными способами* (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Законность обработки персональных данных базируется на наличии ряда законных оснований, установленных действующими нормативными

¹⁹ Здесь и далее – Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года. По состоянию на 1 апреля 2024 года Российская Федерация являлась участником данного международного договора.

²⁰ Здесь и далее – Руководящие принципы, касающиеся компьютеризированных картотек, содержащих данные личного характера от 14 декабря 1990 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/computerized_data.shtml

актами (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

На основании Руководящих принципов Организации Объединенных Наций согласие устанавливается не в качестве общего допустимого основания, а для осуществления деятельности по обработке данных в целях, отличных от тех, для которых был разрешен сбор. С учетом вышесказанного, а также статьи 1 Руководящих принципов, которой регулируется анализируемый принцип, персональные данные должны обрабатываться законными и правомерными способами в соответствии с целями Устава Организации Объединенных Наций, что предполагает *обеспечение определенной гласности или информирование субъекта данных* (пункт 25 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

За согласием субъекта данных следует верховенство права или правовые положения внутреннего законодательства каждой страны-члена (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». Размещен 20 июля 2022 года. A/77/196).

Для обеспечения уважения права на защиту персональных данных, неприкосновенности частной жизни и человеческого достоинства независимо от нормативного контекста контролеру и, где это применимо, обработчику для управления персональными данными, необходимо иметь одно из допустимых оснований²¹ (пункт 29 Доклада Специального докладчика по

²¹ Кроме согласия субъекта данных, «в качестве законного основания фигурируют договорные отношения и преддоговорные действия; признание этого основания в рамках гражданских и коммерческих отношений, а также электронной торговли приобретает особую актуальность в экономическом контексте цифровой эпохи... [В] качестве законных оснований [также] признаются юридическое обязательство контролера, государственный интерес, законный интерес контролера и жизненно важные интересы субъекта данных или третьей стороны, ... признании[е] или защит[а] прав субъекта данных в государственном органе и постановлении[е] суда, решении[е] или мандат... государственного органа» (пункты 27-28 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип согласия

Согласие – это явное или подразумеваемое волеизъявление, в результате которого у лица появляется юридическое обязательство. Когда субъект данных дает свое согласие, то право контроля над его персональными данными, принадлежащими ему как субъекту данных, проявляется напрямую (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип согласия тесно связан с принципом законности, поскольку оно является наиболее распространенным, признанным на международном уровне допустимым основанием для обработки персональных данных (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

В соответствии с принципом согласия субъект данных должен указать, что согласен с тем, что его персональные данные могут собираться, записываться, преобразовываться, сообщаться, передаваться и в целом подвергаться любой обработке, включая удаление, *что предоставляет контролеру возможность распоряжаться данными в течение всего их жизненного цикла и определять его границы* (пункт 32 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[С]огласие является одним из наиболее важных законных оснований для обработки персональных данных (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[С]огласие... должно быть свободным, выраженным, информированным, недвусмысленным и отзываемым (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года.).

Должно быть очевидным, что, если согласие является допустимым основанием для обработки персональных данных, то оно *должно быть получено до начала деятельности, для которой оно предоставляется* (пункт 41 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года.).

Принцип согласия напрямую связан с принципом транспарентности, поскольку юридически действительное согласие субъекта данных подразумевает, что *он надлежащим образом проинформирован об условиях, которые будут применяться к его личной информации* (пункт 42 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года.).

Что касается защиты персональных данных, то дети и подростки считаются уязвимой группой, особенно восприимчивой к последствиям обработки касающейся их информации, а потому необходимо обеспечить их комплексную защиту и благополучие (пункт 43 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года.).

Принцип транспарентности

Один из принципов, касающихся обработки персональных данных, заключается в том, что *данные должны обрабатываться контролером транспарентным по отношению к субъекту данных образом*. Этот принцип подразумевает, что *контролер должен информировать субъекта данных об условиях обработки, которым будет подвергаться его личная информация с момента сбора, чтобы субъект данных был в состоянии осуществлять надлежащий контроль над данными* (пункт 45 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни

«Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[Д]олжны быть раскрыты личность и адрес контролера или его представителя, а также цели или задачи обработки. Эти данные составляют основу транспарентных действий (пункт 48 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

В отношении наличия у субъекта информации о принадлежащих ему как субъекту правах указывается на важность того, чтобы субъект находился в надлежащем положении для осуществления своего права контроля над касающейся его личной информацией (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип транспарентности должен соблюдаться независимо от правового основания для обработки данных. Могут возникнуть исключительные ситуации, связанные со своевременностью предоставления информации субъекту данных или с теми случаями, когда субъект данных не является источником, из которого собирается его или ее личная информация; такие исключительные случаи должны использоваться для обеспечения максимально возможной транспарентности и добросовестности (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Информация, с которой субъект данных должен быть ознакомлен согласно принципу транспарентности, должна предоставляться простым, ясным, разборчивым, доступным и понятным языком; при этом особое внимание следует проявлять в случаях, касающихся детей и подростков (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Следует добавить, что *особое значение имеет должная осмотрительность контролера при работе с личной информацией,* поскольку контролеру нужно руководствоваться транспарентной политикой в отношении обработки персональных данных (пункт 57 Доклада

Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип цели

Принцип цели направляет и ограничивает все действия по обработке персональных данных – от сбора до удаления. Цель, как правило, определяется контролером, однако она не будет признана действительной, если она не связана с одним из законных оснований для обработки данных (пункт 58 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

С начала сбора информации цель должна соответствовать определенным критериям, которые изложены в проанализированных международных нормативных документах. Так, *цель должна быть явной, конкретной, законной и релевантной. После обеспечения соответствия характеристикам, установленным нормативными документами для определения цели или целей, эти характеристики будут ограничивать деятельность по обработке, которой будут подвергаться персональные данные* (пункт 59 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Согласно рассматриваемому принципу *собранные данные могут быть использованы исключительно для той цели, для которой они были собраны. Это нужно для ограничения различных действий по обработке данных, от сбора до хранения, изменения, сообщения и передачи, а также любого обращения с данными, вплоть до их удаления* (пункт 60 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[Л]юбая деятельность по обработке данных не должна выходить за рамки того, что разрешено для изначально определенных целей, за исключением случаев, когда это прямо разрешено действующими нормативными актами, и с соблюдением необходимых гарантий (пункт 61 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на

неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[З]аконная цель или цели, послужившие основанием для обработки данных, ограничивают действия контролера и обработчика, если таковой имеется, а потому как только цель будет достигнута, законность продолжения обработки информации будет утрачена, если иное прямо не предусмотрено в применимом законодательстве, которое в таком случае послужит новым допустимым основанием (пункт 67 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип добросовестности

Этот принцип означает, что личная информация должна обрабатываться в точном соответствии со всеми условиями, послужившими основанием для ее сбора, а также с использованием средств обработки, способствующих достижению цели (пункт 68 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Добросовестность должна соблюдаться в ходе всех действий по обработке персональных данных; в международных нормативных документах, в которых особое внимание уделяется деятельности по сбору данных, подчеркивается, что некорректный или незаконный способ действий в самом начале процесса может определить последующие действия по обработке информации (пункт 78 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Не должно быть никаких сомнений в том, что добросовестная обработка информации – важное условие деятельности контролера и обработчика на протяжении всего жизненного цикла персональных данных, независимо от контекста и используемой технологии. *Добросовестная деятельность предполагает ответственность, этику и соблюдение норм, применимых в свете перечисленных принципов (пункт 79 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной*

жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип пропорциональности

Принцип пропорциональности накладывает ограничения на обработку персональных данных. В силу этого принципа *персональные данные, а также действия по их обработке должны быть ограничены исключительно достижением целей, для которых они были собраны* (пункт 80 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года.).

Следует помнить, что этот *принцип должен соблюдаться на всех этапах обработки*, начиная с момента принятия решения о проведении обработки, чтобы первый этап сбора был начат надлежащим и законным образом (пункт 81 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

С этим принципом тесно связаны принцип цели, согласно которому данные должны обрабатываться способом, совместимым с целью, для которой они были собраны, и принцип минимизации, согласно которому *данные должны быть сведены к минимуму, необходимому для достижения установленной цели* (пункт 82 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Одно из требований принципа пропорциональности заключается в том, что контролер должен провести оценку, чтобы выбрать из различных операций по обработке, которые могут быть использованы для достижения разрешенной цели, ту, что является *наименее инвазивной для личной жизни*. Такая оценка становится особенно необходимой, когда прибегают к использованию определенных информационно-коммуникационных технологий, которые могут представлять риск для основных прав (пункт 83 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[В] целом принцип пропорциональности должен соблюдаться как в отношении собираемых персональных данных, так и в отношении действий по обработке, которым они будут подвергнуты, а именно: в обоих случаях данные должны быть соответствующими, актуальными, релевантными и ограниченными законными целями, для которых они были собраны (пункт 89 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип минимизации

Минимизация — это принцип, согласно которому данные всегда должны быть ограничены тем, что необходимо для достижения установленной цели (пункт 90 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

В этом смысле данный принцип тесно связан с принципом цели, который служит параметром для ограничения объема обрабатываемых данных (пункт 91 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип минимизации должен соблюдаться особенно тщательно с учетом все более частого использования информационно-коммуникационных технологий для обработки персональных данных (пункт 95 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип качества

Принцип качества подразумевает, что данные должны быть достоверными, точными, полными и обновленными, что обязывает контролеров принимать для обеспечения этого соответствующие меры. В некоторых международных нормативных документах этот принцип также упоминается как принцип точности или целостности (пункт 96 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной

жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[П]ерсональные данные должны быть достоверными, полными и точными на протяжении всего процесса обработки и должны обновляться по мере необходимости либо должностным лицом (контролером или обработчиком), либо по запросу субъекта данных (пункт 97 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Качество обрабатываемой личной информации является жизненно важным для успешного достижения целей, послуживших основанием для ее сбора, а также для ее дальнейшей обработки. *Обеспечение качества данных является признаком ответственности за достижение разрешенных целей (пункт 103 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).*

Для надлежащего соблюдения принципа качества контролеры и обработчики данных должны внедрить в своих организациях меры, гарантирующие, что персональные данные, которые они собирают и обрабатывают, являются достоверными, точными, полными или целостными и обновленными, *с тем чтобы разрешенные цели достигались при должном соблюдении прав субъектов личной информации, что должно быть в их интересах.* Вышеуказанное должно выполняться независимо от шагов, которые субъект данных решит предпринять в целях обеспечения качества касающейся его информации при ее обработке другим лицом (пункт 104 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип ответственности

Принцип ответственности можно проанализировать с двух точек зрения: с одной стороны, контролеры и обработчики данных *должны внедрить механизмы для соблюдения принципов защиты данных и неприкосновенности частной жизни, обеспечивая и гарантируя права и свободы субъектов данных;* с другой стороны, контролеры и обработчики данных должны быть в состоянии *гарантировать и продемонстрировать*

соблюдение этих принципов (пункт 105 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип проактивной ответственности требует от организаций анализа того, какие данные они обрабатывают, для каких целей и какого рода операции по обработке они выполняют. Исходя из этой информации они должны четко определить, как они будут осуществлять меры, предусмотренные Общим регламентом, обеспечивая, чтобы эти меры и процедуры соответствовали требованиям по защите данных, и как они могут продемонстрировать это субъектам данных и надзорному органу. Этот принцип требует добросовестного, внимательного и активного отношения со стороны организаций ко всем выполняемым ими операциям по обработке персональных данных (пункт 112 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[К]огда личная информация должна быть передана другому лицу или организации как внутри страны, так и на международном уровне, контролеры должны получить согласие субъекта данных или, если согласие не получено, убедиться в том, что получатель будет защищать информацию последовательным образом, путем принятия разумных мер для обеспечения защиты информации после передачи в соответствии с принципами (пункт 115 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

[П]ринцип ответственности направлен на улучшение соблюдения принципов и всех нормативных актов по защите данных и неприкосновенности частной жизни, которые контролеры и обработчики обязаны соблюдать в ходе всех осуществляемых ими действий по обработке данных, и обеспечение наличия объективных элементов, на которых основано подлинное соблюдение принципа и достижение законных целей в атмосфере доверия и уважения к соответствующим основным правам (пункт 118 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Принцип безопасности

Безопасность имеет основополагающее значение для защиты данных; защита данных невозможна без безопасности (пункт 119 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Для соблюдения этого принципа необходимо выявить, оценить и задокументировать риски, которые могут возникнуть в течение жизненного цикла данных, чтобы принять необходимые меры безопасности и иметь возможность гарантировать конфиденциальность, целостность и доступность персональных данных, избегая материализации рисков (пункт 120 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Меры безопасности должны быть пропорциональны величине риска, должны периодически пересматриваться и обновляться, а также могут подвергаться проверке в целях их улучшения и предотвращения их устаревания (пункт 123 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Все контролеры и обработчики информации должны принимать меры для обеспечения безопасности и защиты персональных данных от таких рисков, как несанкционированный доступ, потеря, изменение, уничтожение, раскрытие или повреждение. *Если такие меры безопасности не принимаются, то личная информация становится уязвимой для вышеупомянутых рисков, что может привести к серьезному ущербу для прав субъектов данных* (пункт 135 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». А/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

Обеспечение целостности, доступности и конфиденциальности персональных данных является первостепенной задачей и обязанностью контролеров и обработчиков данных, позволяющей избежать серьезных нарушений прав субъектов данных; вместе с тем нарушения, если они происходят, должны оказывать как можно меньшее влияние на права

субъектов данных; также должны быть установлены руководящие принципы, которым необходимо следовать в случае нарушений, например, обязательное уведомление надзорного органа и затронутых субъектов прав (пункт 137 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы, лежащие в основе неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных». A/77/196. Размещен 20 июля 2022 года).

реализация принципа прозрачности при обработке персональных данных с помощью искусственного интеллекта

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

[Л]юди должны знать, исходя из каких данных было принято то или иное затрагивающее их решение, а также какая для этого применялась логика. Наличие доступа к этой информации, в частности, позволит соответствующему лицу узнать, правильно ли решение, принятое в отношении него, и, если нет, то защитить себя. Иными словами, такая информация необходима для обеспечения надлежащей правовой процедуры, поскольку она будет служить доказательством возможных неточностей или проявлений несправедливости в отношении того или иного лица при обработке его персональных данных с помощью искусственного интеллекта (пункт 50 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы прозрачности и объяснимости при обработке персональных данных с помощью искусственного интеллекта». A/78/310. Размещен 30 августа 2023 года).

При использовании искусственного интеллекта важна прозрачность, — в связи с ним не должно быть случаев неясности, секретности или введения в заблуждение (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Принципы прозрачности и объяснимости при обработке персональных данных с помощью искусственного интеллекта». A/78/310. Размещен 30 августа 2023 года).

правовые механизмы защиты персональных данных в эпоху цифровых технологий

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Человеческая личность сама по себе всегда является целью и смыслом существования государств, национального и международного общества

(пункт 1 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Основные права представляют собой высшие принципы любой правовой системы. Государства должны определить и создать условия и базу, необходимые для признания и эффективного осуществления этих прав в любом пространстве и на любой территории, где находится или ведет свою деятельность человек (пункт 2 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право всегда должно служить эффективным средством для реализации человеческого потенциала. Все люди, как представители власти, так и население, в любом контексте, физическом или виртуальном, должны стремиться к его полной реализации (пункт 3 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на неприкосновенность частной жизни является отражением человеческого достоинства и связано с защитой автономии и личной идентичности человека (пункт 4 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Именно государства в первую очередь и напрямую должны играть роль движущей силы с тем, чтобы в процессе развития деятельности различных секторов и отдельных лиц права и свободы не теряли своего основного содержания (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Необходимо, чтобы государства разработали схему для обеспечения соблюдения права на защиту персональных данных таким образом, чтобы субъекты данных получали информацию об их обработке, контролировали

этот процесс в той степени, в какой они имеют на это право, и в случае нарушения могли выбрать средство правовой защиты, направленное на восстановление их права, возмещение или компенсацию нанесенного ущерба в зависимости от обстоятельств (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Ответственность государств в отношении права на неприкосновенность частной жизни и защиту данных в эпоху цифровых технологий подразумевает помимо воздержания от нарушения этих прав и их соблюдения необходимость принятия позитивных мер для эффективной реализации этих прав (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Само по себе признание права на защиту персональных данных за счет его закрепления в качестве правовой нормы не гарантирует его эффективности и действенности без наличия доступной и эффективной схемы защиты этого права. Эта схема обычно подразумевает наличие административных и судебных средств защиты, а в некоторых случаях — альтернативных способов разрешения споров (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

В соответствии с принципом уважения человеческого достоинства люди должны иметь в своем распоряжении достаточно средств и механизмов, чтобы отстаивать свои права перед операторами персональных данных и различными государственными органами. Наличие инструментов, гарантирующих осуществление прав человека, напрямую связано с эффективностью этих прав (пункт 15 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Права субъектов информации

Обработка персональных данных должна вестись уважительно, с соблюдением ряда принципов и требований, которые обеспечивают надлежащее обращение с личной информацией и гарантируют, в частности, права на неприкосновенность частной жизни и свободное развитие личности (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Для достижения этой цели субъекты данных должны иметь возможность осуществлять контроль над своей личной информацией, в связи с чем в законах о защите данных и неприкосновенности частной жизни предусматривается ряд прав (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на информацию

Право на информацию — это право каждого субъекта данных в случае сбора его персональных данных получить от оператора данных определенную информацию об условиях и обстоятельствах их обработки (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Информация, которую обязаны предоставлять операторы данных,..... обычно включает:

- 1) цели обработки данных;
- 2) правовое основание для обработки данных, личность и контактную информацию оператора;
- 3) информацию о запланированном предоставлении данных или обмене ими;
- 4) последствия предоставления персональных данных или отказа от их предоставления для субъекта данных;
- 5) существование и форма реализации регулируемых соответствующей нормой прав;
- 6) право на подачу жалобы в контролирующий орган;

7) сроки хранения данных (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на доступ

В соответствии с правом на доступ субъект данных имеет право запросить у оператора информацию о том, обрабатываются ли его персональные данные или нет, и получить доступ к ним, а также к определенной информации о том, как они были использованы или распространены (пункт 32 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на исправление

В соответствии с этим правом субъект данных может добиться изменения своих неточных или неполных персональных данных с тем чтобы они отражали его текущую ситуацию (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на обновление информации в цифровых СМИ

Это право позволяет любому лицу обращаться в цифровые СМИ с просьбой поместить рядом с касающимися его материалами хорошо видимое уведомление о новых обстоятельствах в случае, если эти материалы не отражают его текущее положение по причинам, появившимся после публикации, что наносит ему ущерб. В частности, это касается случаев, когда первоначальная информация относится к полицейским или судебным разбирательствам, которые были изменены в пользу субъекта данных в результате последующих судебных решений (пункт 39 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на удаление

В соответствии с правом на удаление субъект данных имеет *право на исключение его персональных данных из доступа, что влечет за собой обязательство оператора удалять их в определенных случаях* (пункт 40 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на забвение

Право на забвение при поиске информации в Интернете подразумевает, что поисковые системы удаляют из списков результатов поиска, проведенного по имени, ссылки, содержащие информацию, относящуюся к данному лицу, *когда они являются или становятся несоответствующими, неточными, неактуальными, устаревшими или избыточными или же если затрагиваемое лицо ссылается на личные обстоятельства, свидетельствующие о превалировании его прав над необходимостью сохранения ссылок поисковой системой* (пункт 45 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Это право не подразумевает удаления информации, а также не препятствует доступу к информации, опубликованной на веб-сайтах, с помощью других критериев поиска, кроме имени (пункт 46 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на забвение в социальных сетях и на аналогичных сервисах — это право человека на удаление персональных данных, которые он предоставил для публикации на этих сервисах (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

В отличие от права на забвение при поиске это право подразумевает удаление данных человека при наличии того же условия несоответствия,

неточности, неактуальности, устаревания или избыточности, приобретения этих характеристик с течением времени или если личные обстоятельства субъекта информации свидетельствуют о том, что его права превалируют над сохранением данных (пункт 48 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Если данные лица, осуществляющего это право, относятся к периоду, когда это лицо было несовершеннолетним, то поставщик услуг обязан оперативно удалить эти данные по простому запросу субъекта данных (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на ограничение обработки данных

В соответствии с этим правом субъект данных имеет право на ограничение обработки его персональных данных оператором, если выполняется любое из следующих условий:

а) точность персональных данных была поставлена под сомнение, на период их проверки оператором;

б) обработка данных ведется незаконно, субъект данных возражает против удаления персональных данных и просит вместо этого ограничить их использование;

с) персональные данные больше не нужны оператору, но они необходимы субъекту данных для целей предъявления, реализации или защиты правовых требований;

д) субъект данных возражает против обработки данных на основании права на возражение (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Если использование персональных данных было ограничено в соответствии с этим правом, такие данные могут использоваться (за исключением случая их хранения) только с согласия субъекта данных или в целях предъявления, реализации или защиты правовых требований, а также для защиты прав другого физического или юридического лица либо по причинам, представляющим значительный общественный интерес

(пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на переносимость данных

Субъект данных имеет право получить касающиеся его персональные данные, которые он предоставил оператору, в структурированном, широко используемом и машиночитаемом формате, и в определенных случаях передать их другому оператору (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Субъект данных имеет также право на передачу своих данных непосредственно от одного оператора к другому, если это технически возможно (пункт 54 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на возражение

В соответствии с этим правом данные, против которых было заявлено возражение, не могут больше обрабатываться (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Субъект данных имеет право в любое время возразить против обработки своих персональных данных в определенных случаях и на основаниях, имеющих отношение конкретно к его ситуации (пункт 57 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Если информация используется в целях прямого маркетинга, то субъект данных имеет право в любое время возразить против обработки своих персональных данных, которые, как следствие, больше не будут

использоваться в этих целях (пункт 59 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право не быть подвергнутым решению, основанному на автоматизированной обработке данных, включая профилирование

Каждый субъект данных имеет право не быть подвергнутым исполнению решения, которое было основано исключительно на автоматизированной обработке данных, включая профилирование, и которое влечет за собой юридические последствия для него или существенно влияет на него, а также он имеет право выразить свое мнение (пункт 61 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Право на цифровое завещание

[Э]то право... позволяет субъектам данных определять, *что произойдет с их контентом, управляемым поставщиками услуг информационного общества, после их смерти*: они могут принимать решения о сохранении или удалении их личных профилей в социальных сетях или на аналогичных сервисах, а также запрещать доступ определенных лиц к их контенту или требовать его изменения или удаления (пункт 65 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Осуществление прав субъекта персональных данных

Права субъектов персональных данных осуществляются посредством операторов данных в порядке, установленном в каждой правовой системе (пункт 67 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Механизмы судебной защиты персональных данных

Государства, в которых действуют законы о защите персональных данных и неприкосновенности частной жизни, как правило, предусматривают правовую базу, включающую не только административные, но и судебные средства защиты для усиления защиты основных прав, таких как право на защиту персональных данных и неприкосновенность частной жизни (пункт 108 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Решение о том, обратиться ли ему в административный надзорный орган, как говорилось в предыдущем разделе, или же в компетентный судебный орган, чтобы добиться осуществления права на защиту персональных данных, которое не было реализовано оператором данных, принимает пострадавшее лицо (субъект данных) (пункт 110 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

Механизмы возмещения нанесенного ущерба

Любое лицо, которому был нанесен ущерб в результате нарушения нормативных положений о защите персональных данных и неприкосновенности частной жизни, должно *иметь возможность получить возмещение за причиненный ему вред*. Для этого ему следует воспользоваться процедурой возмещения ущерба, предусмотренной в правовой системе (пункт 114 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни «Правовые механизмы защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий». A/HRC/55/46. Размещен 18 января 2024 года).

вопросы реализации положений Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года²²

Практика Комитета ООН по правам человека

[Хотя] осуществление Конвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года] может иметь последствия для осуществления прав, закрепленных в Пакте; это *не означает, что применение Конвенции обязательно влечет за собой нарушение права на защиту семейной жизни* (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 5 марта 2021 года по делу *Ж.И. против Франции*).

Осуществление Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей Комитет интересуется только в той мере, в которой оно связано с осуществлением и реализацией прав, защищаемых Пактом, в данном случае – права на защиту семейной жизни и обязательством государства защищать ребенка. Комитет также отмечает, что характер механизма, предусмотренного Конвенцией, направлен на решение неотложных ситуаций, которые не обязательно связаны с правами постоянной опеки, которых может требовать родитель (пункт 9.9 Соображений Комитета по правам человека от 5 марта 2021 года по делу *Ж.И. против Франции*).

Практика Комитета ООН по правам ребенка

Комитет напоминает, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств и толкование норм национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии. Комитет считает, что в случаях международного возвращения детей и подростков *роль Комитета заключается не в том, чтобы решать, была ли правильно истолкована или применена национальными судами Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а в том, чтобы обеспечить соответствие такого толкования или применения обязательствам, установленным Конвенцией [о правах ребенка]* (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

²² Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Комитет отмечает, что, поскольку *принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции [о правах ребенка]*, налагает как процедурные, так и материальные обязательства, в компетенцию Комитета входит проверка соответствия этим обязательствам аргументации, лежащей в основе решений, принятых национальными судами (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Комитет обращает внимание, что в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Конвенции [о правах ребенка], государства-участники должны обеспечить первоочередной учет наилучших интересов ребенка во всех действиях или решениях, предпринимаемых в отношении детей государственными учреждениями. Комитет также напоминает, что *решение о возвращении ребенка в другую страну является «действием» по смыслу статьи 3 Конвенции [о правах ребенка]*. Комитет далее отмечает, что *наилучшие интересы ребенка должны быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка... с учетом его личного контекста, положения и потребностей»*. В этой связи Комитет должен определить, был ли учет наилучших интересов ребенка основным соображением, согласно статье 3 Конвенции, при принятии Верховным судом решения о возвращении Х. М. в Испанию в порядке применения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (пункт 8.2 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Конвенция о правах ребенка должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. При любом таком толковании необходимо должным образом учитывать контекст применения Конвенции который, согласно пункту 3 «с» статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, включает «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека. Таким образом, относительно международного похищения детей: *Конвенция о правах ребенка должна толковаться с учетом обязательств государств-участников по Гаагской конвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей]....*, в соответствии со статьей 11 Конвенции о правах ребенка, государства-участники должны принимать меры против незаконного вывоза и удержания детей за границей, в том числе путем присоединения к таким соглашениям, как Гаагская конвенция (пункт 8.3 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Комитет признает сложность и разнообразие обстоятельств, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае, а также тот факт, что цели Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а именно: предотвращение похищения детей и их немедленное возвращение, направлены на обеспечение защиты наилучших интересов ребенка²³. Комитет отмечает – *Гаагская конвенция устанавливает твердую презумпцию того, что обеспечение наилучших интересов ребенка означает его немедленное возвращение*. Однако эта презумпция может быть опровергнута исключениями, установленными в статьях 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, в соответствии с которыми в каждом конкретном случае требуется определение того, *будет ли в действительности такое возвращение вступать в явное противоречие с обеспечением наилучших интересов ребенка*. В таких случаях наилучшие интересы ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции о правах ребенка являются основным соображением при принятии решения о возвращении. Однако Комитет отмечает, что вышесказанное *не означает, что решение о международном возвращении ребенка, принятое национальным судом исключительно на основании Гаагской конвенции, в обязательном порядке обеспечивает соблюдение обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка*. В частности, поскольку право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы учитывались в первую очередь предполагает применение процессуальных гарантий и толковательных стандартов, то нельзя просто заявить, что все решения национальных судов, принятые исключительно на основании Гаагской конвенции, неизбежно приведут к соблюдению статьи 3 Конвенции о правах ребенка. *Именно национальные суды должны обеспечить соблюдение стандартов статьи 3 Конвенции в каждом решении, в котором применяются или используются исключения, предусмотренные статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции* (пункт 8.4 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Комитет считает, что при принятии решений по делам о международном похищении детей национальные суды должны, во-первых, эффективно оценивать факторы, которые могут составлять исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка (согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей), в частности, когда такие факторы поднимаются одной из

²³ Среди прочего, Гаагская конвенция направлена на защиту права детей не быть незаконно вывезенными или удержанными, на то, чтобы решение об опеке или попечительстве принималось судьей по месту их обычного проживания, на поддержание регулярных контактов с обоими родителями и их семьями и на быстрое разрешение просьбы о возвращении. См. пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, пункты 11 и 24–25.

сторон разбирательства, а также принимать достаточно обоснованное решение по этому вопросу. Во-вторых, такие факторы должны оцениваться с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет подчеркивает, что второе условие в значительной степени зависит от фактических определений, которые, как правило, относятся к юрисдикции национальных судов. Комитет также отмечает: учитывая, что Гаагская конвенция призвана обеспечить справедливый баланс между стандартом, устанавливающим презумпцию в пользу международного возвращения ребенка, и факторами, которые в определенных случаях могут сделать такое возвращение противоречащим наилучшим интересам ребенка, то *представляется маловероятным, что надлежащее соблюдение вышеупомянутых процедурных гарантий приведет к существенному нарушению статьи 3 Конвенции* (пункт 8.5 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Комитету [по правам ребенка] известно, что целью Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей является возвращение детей в страны их обычного проживания, чтобы в случае необходимости вопросы опеки и защиты детей решались в данной юрисдикции. Он также осознает, что решения о возвращении должны приниматься в оперативном порядке с целью обеспечения надлежащего восстановления нормального положения ребенка и практических гарантий осуществимости возвращения во избежание искажения цели и объекта Гаагской конвенции. В связи с этим Комитет полагает, что *в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка следует придерживаться строгого толкования исключений из обязательства вернуть ребенка, установленных в Гаагской конвенции*. От национальных судей, призванных применять Гаагскую конвенцию, нельзя требовать такого же уровня изучения наилучших интересов ребенка, как и от судей, призванных принимать решения об опеке, порядке посещения или других связанных с этим вопросов, особенно в случае отсутствия доступа первого из вышеупомянутых судей к тем же доказательствам и информации, что и судей страны обычного проживания. Тем не менее *судья, выносящий решение о возвращении, должен оценить с учетом ограниченных исключений, установленных в Гаагской конвенции, и в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции о правах ребенка степень, в которой возвращение может нанести ребенку физический или психологический ущерб или иным образом будет явно противоречить его наилучшим интересам* (пункт 8.6 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Несмотря на понимание того, что разлука, какой бы тяжелой она ни была для ребенка, автоматически не отвечает критерию серьезности риска,

например, в свете требований пункта «b» статьи 13 Гаагской конвенции, необходимо должным образом рассмотреть реальную возможность для родителя вернуться в страну обычного проживания ребенка и поддерживать с ним контакт, особенно в деле, подобном делу Х. М., учитывая описанные выше обстоятельства (пункт 8.8 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Комитет считает, что суд, выносящий постановление о возвращении ребенка, на момент вынесения такого постановления должен быть уверен в том, что будут приняты все необходимые меры для его безопасного возвращения (пункт 8.9 Соображений Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года по делу *Н. Е. Р. А. против Чили*).

Практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

[В] соответствии с Гаагской конвенцией [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года] центральные [органы] обязаны сотрудничать друг с другом и обеспечивать скорейшее возвращение неправомочно вывезенных детей, а также гарантировать эффективное соблюдение прав на опеку и доступ согласно законодательству одного договаривающегося государства на территории другого договаривающегося государства (пункт 5.7 Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 22 февраля 2016 года по делу *М. В. против Дании*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (1980) распространяется на международное похищение детей родителями и предусматривает незамедлительное возвращение ребенка, похищенного таким образом родителем с места его постоянного проживания на территории одного государства — участника Гаагской конвенции, на территорию другого государства — участника Конвенции, чтобы суды этой юрисдикции могли разрешить спор об опеке. Однако в Конвенции не упоминается о домашнем насилии, равно как в ней не предусмотрена защита матерей, подвергшихся насилию. В результате, когда матери бегут со своими детьми через международные границы, они становятся уязвимыми для того, чтобы суды рассматривали их как родителей—«похитителей» согласно Конвенции (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек, его причинах и последствиях «Опека, насилие в отношении женщин

и насилие в отношении детей». A/HRC/53/36. Размещен 13 апреля 2023 года.).

Примерно три четверти всех дел, рассматриваемых в соответствии с Гаагской конвенцией, возбуждаются против матерей, большинство из которых спасаются от домашнего насилия или пытаются защитить своих детей от жестокого обращения. Статья 13 Конвенции гласит, что предписание о возвращении ребенка может быть отклонено, если существует «серьезный риск» причинения вреда. Однако суды неохотно принимают подверженность домашнему насилию в качестве причины для отказа в возвращении детей в другое государство-участник. В некоторых случаях суды возвращают детей в страну их постоянного проживания, даже если установили, что в отношении детей имело место насилие, и это часто вынуждает женщин и детей возвращаться в ситуации насилия и угрозы для жизни (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек, его причинах и последствиях «Опека, насилие в отношении женщин и насилие в отношении детей». A/HRC/53/36. Размещен 13 апреля 2023 года).

Однако некоторые суды все же учитывают семейное и домашнее насилие при толковании и применении Конвенции. Апелляционный суд Новой Зеландии постановил, что история матери как жертвы семейного и домашнего насилия и ее потенциальное будущее в Австралии имеют отношение к толкованию исключения серьезного риска, и впоследствии отклонил предписание о возвращении ребенка (пункт 38 Доклада Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек, его причинах и последствиях «Опека, насилие в отношении женщин и насилие в отношении детей». A/HRC/53/36. Размещен 13 апреля 2023 года).

вопросы миграционного контроля (защита права лица на проживание со своей семьей)²⁴

Практика Комитета ООН по правам человека

Право основывать семью подразумевает в принципе возможность произведения потомства и совместного проживания. Когда

²⁴ Для сведения: в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав мигрантов](#) и [Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения](#) (соответственно в 2022 году и в 2018 году).

государства-участники проводят политику планирования семьи, она должна быть совместимой с положениями Пакта и, в частности, не должна носить дискриминационный или принудительный характер. Равным образом обеспечение возможности совместного проживания подразумевает принятие соответствующих мер как внутри страны, так и в сотрудничестве с другими государствами, для обеспечения сохранения или воссоединения семей, особенно тогда, когда раздельное проживание их членов зависит от причин политического, экономического или аналогичного характера (пункт 5 Замечания общего порядка № 19. Статья 23 «Семья». Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990).

Комитет указывает, что в статье 23 Международного пакта о гражданских и политических правах семья признается естественной и основной ячейкой общества, а статья 17 предусматривает право каждого человека на защиту от произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность этого права. Комитет напоминает... о своей правовой практике, в соответствии с которой *могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь* этого лица в нарушение статей 17 и 23. Комитет отмечает..., что *сам факт проживания членов семьи на территории какого-либо государства-участника отнюдь не гарантирует автору право вновь въехать на территорию этого государства*. Согласно правилам, касающимся иммиграции, государство-участник может, преследуя законную цель, отказать в праве въезда. Однако это дискреционное право не является безграничным и не может произвольно применяться. Комитет напоминает, что, *для того чтобы любое вмешательство в семейную жизнь можно было считать допустимым в соответствии со статьей 17, такое вмешательство должно отвечать одновременно ряду условий, указанных в пункте 1, то есть оно должно быть предусмотрено законом, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах данного дела* (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 23 июля 2014 года по делу *Тимур Ильясов против Казахстана*).

Практика международных договорных органов ООН по вопросу защиты права лица на уважение личной и семейной жизни²⁵

право лица на уважение личной жизни

право на имя

практика Комитета ООН по правам ребенка

[Дело «Х.А.Б.С. против Коста-Рики»²⁶](#). Решение принято Комитетом по правам ребенка 17 января 2017 года. Сообщение № 5/2016²⁷.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 7 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года *применение государствами-участниками права на имя должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством* (пункт 4.2 Решения).

Комитет указывает, что толкование или применение национального законодательства является прерогативой государственных властей, если только такое толкование или применение не носит явно произвольный характер или представляет собой отказ в правосудии (пункт 4.3 Решения).

²⁵ В рамках подраздела Соображения (решения) Комитетов приводятся в обратном хронологическом порядке по мере их принятия.

²⁶ Ранее опубликовано в [Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 \(2017\)](#).

²⁷ Как усматривалось из текста Решения, сыновья автора (А. Б. Х. и М. Б. Х.), родились в Калифорнии (Соединенные Штаты Америки) в результате экстракорпорального оплодотворения донорской яйцеклетки спермой автора. Беременность вынашивала суррогатная мать. 2 мая 2014 года Верховный суд Калифорнии объявил автора единственным законным родителем близнецов, которые должны были родиться, и предоставил ему исключительные родительские права, отказав суррогатной матери в статусе законной матери в соответствии с договором, подписанным между ней и автором. В свидетельстве о рождении, выданном в Соединенных Штатах, обоим сыновьям автора были присвоены две фамилии: *первая фамилия автора и девичья фамилия донора яйцеклетки*. В указанном свидетельстве автор был записан как «отец», а графа «мать» была оставлена пустой. 22 июля 2014 года автор и оба его сына въехали в Коста-Рику с паспортами Соединенных Штатов Америки. 30 июля 2014 года автор ходатайствовал о регистрации своих сыновей в Отделе записи актов гражданского состояния Верховного суда по избирательным делам Коста-Рики. В своем решении от 19 августа 2014 года Отдел записи актов гражданского состояния постановил *зарегистрировать родившихся мальчиков под обеими фамилиями автора* согласно Гражданскому кодексу Коста-Рики. Автор заявил о нарушении права своих детей на индивидуальность, закрепленного в статье 8 Конвенции, и в частности, права на полное знание своего биологического происхождения. Благодаря девичьей фамилии биологической матери дети могут узнать о ее истинной личности и о своей природной неразрывной связи с ней. Комитет объявил это сообщение [явно] необоснованным и неприемлемым согласно подпункту «f» статьи 7 Факультативного протокола.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению решение коста-риканских властей, согласно которому регистрация детей в Отделе записи актов гражданского состояния должна осуществляться в соответствии с критериями, установленными в Гражданском кодексе Коста-Рики, независимо от критериев, применяемых в стране рождения... Комитет счел, что автор не представил убедительных доказательств того, что присвоение его сыновьям обеих фамилий отца согласно коста-риканскому законодательству является препятствием к полному знанию ими своего биологического происхождения и к реализации ими своего права на индивидуальность (пункт 4.2 Решения).

[Д]овод автора о наличии противоречий во внутреннем законодательстве ничем не мотивирован и, следовательно, не может служить основанием для констатации произвольности или отказа в правосудии со стороны национальных властей (пункт 4.3 Решения).

Что касается заявлений автора о невозможности возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния, то Комитет отметил, что автор мог обжаловать это решение и прибегнуть к процедуре ампаро²⁸ в Верховном суде. Кроме того, Комитет подчеркнул, что автор не обосновал, в какой степени невозможность возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния до его принятия нарушила права его сыновей, закрепленные в Конвенции (пункт 4.4 Решения).

Выводы Комитета: сообщение признано необоснованным и неприемлемым согласно подпункту «f» статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка (пункт 4.4 Решения).

практика Комитета ООН по правам человека

[Дело «Дмитрий Владимирович Булгаков против Украины»²⁹](#).
Соображения приняты Комитетом по правам человека 29 октября 2012 года.
Сообщение №1803/2008³⁰.

²⁸ Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

²⁹ Ранее опубликовано в [«Правовые позиции Комитета ООН по правам человека и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений \(практика за 2012 г.\)»](#).

³⁰ Как усматривалось из текста Сообщений, речь шла о написании имени автора в документах, удостоверяющих его личность, с использованием орфографии украинского языка. Так, автор утверждал, что стал жертвой нарушения Украиной его прав, предусмотренных статьями 17, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи со статьей 17 Пакта автор указал, что, изменив в одностороннем порядке его имя и отчество и препятствуя ему в восстановлении их первоначальной фонетической формы в документах, удостоверяющих его личность, государство-участник нарушило его неотъемлемое право на сохранение своего имени и нарушило статью 17 Пакта, то есть его право не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь. Комитет по правам человека установил нарушение статьи 17 Пакта.

Правовые позиции Комитета: понятие «неприкосновенность личной жизни» относится к сфере жизни лица, в которой оно может свободно проявлять свою идентичность, вступая во взаимоотношения с другими лицами или самостоятельно. Комитет далее напоминает, что фамилия человека является важным компонентом его личности, а защита от произвольного или незаконного вмешательства в его личную жизнь включает защиту от произвольного или незаконного посягательства на право выбирать и изменять собственное имя (пункт 7.2 Соображений).

[З]ащита, предоставляемая статьей 17 Пакта, предусматривает право выбирать и изменять свое имя, и Комитет счел, что [данная статья Пакта] *a fortiori*³¹ защищает лиц от принудительного изменения их имени государством-участником (пункт 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: в связи с возможным нарушением статьи 17 Комитет принял к сведению аргумент автора о том, что использование украинского написания его имени и отчества в документах, удостоверяющих его личность, привело к тому, что он часто подвергался насмешкам, испытывал психологический дискомфорт и ощущал себя жертвой произвола, поскольку его имя звучало смешно для лиц, говорящих на русском языке³²... Комитет отметил заявление государства-участника о том, что в Украине имена и отчества при переводе с одного языка на другой не транскрибируются, а «заменяются соответствующим, исторически сложившимся, эквивалентом» и что имя автора было изменено в целях соответствия украинской традиции присвоения имен (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отметил, что государство-участник пошло далее транскрибирования имени и отчества автора и фактически изменило их на основе правил, содержащихся в украинской грамматике. Комитет поэтому счел, что одностороннее изменение государством-участником имени и отчества автора в официальных документах являлось необоснованным и равносильно незаконному и произвольному вмешательству в его личную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта (пункт 7.3 Соображений)

Выводы Комитета: (вышеуказанные) факты свидетельствовали о нарушении статьи 17 Пакта (пункт 8 Соображений).

³¹ Тем более.

³² 24 августа 1991 года в день провозглашения независимости Украины автор стал украинским гражданином. В дальнейшем во внутреннем и в заграничном паспортах, выданных ему соответственно в 1997 и 1998 годах, его имя и отчество были изменены против его воли с «Дмітрій Владімірович» на «Дмитро Володимирович».

охрана окружающей среды (в аспекте защиты прав коренных народов)

практика Комитета ООН по правам человека

Дело «Бенито Оливейра Перейра и Лусио Гильермо Соса Бенега от своего имени от имени других членов коренной общины Кампо-Агуа'э народа ава-гуарани против Парагвая»³³. Соображения приняты Комитетом по правам человека 14 июля 2021 года. Сообщение № 2552/2015³⁴.

Правовые позиции Комитета: в случае коренных народов понятия «жилище» и «неприкосновенность частной жизни» должны пониматься в рамках особых отношений, которые они поддерживают со своей территорией (пункт 8.2 Соображений).

Статью 17 Пакта следует понимать не как ограничивающую обязанность воздерживаться от произвольного вмешательства, а скорее подразумевающую *обязательство принимать позитивные меры, необходимые для реального соблюдения этого права независимо от того, исходит ли вмешательство от государственных органов или от физических или юридических лиц* (пункт 8.3 Соображений).

Когда загрязнение непосредственно сказывается на соблюдении права на неприкосновенность частной и семейной жизни и жилища и его последствия имеют определенный уровень серьезности, *деградация окружающей среды влияет на благополучие человека и порождает нарушения неприкосновенности частной и семейной жизни и жилища* (пункт 8.4 Соображений).

В случае коренных народов пользование культурой может иметь отношение к образу жизни, тесно связанному с территорией и использованием ее ресурсов, и может включать такие традиционные виды деятельности, как рыболовство или охота; таким образом, *защита этого права призвана гарантировать сохранение и постоянное развитие*

³³ Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4 \(2023\)](#).

³⁴ Как усматривалось из текста Соображений, проводимые бразильскими компаниями опыления систематически нарушали природоохранные нормы государства-участника, которые устанавливают меры по уменьшению воздействия на окружающую среду и обязательства оставлять живые защитные полосы между участками, обрабатываемыми пестицидами, и водоемами, дорогами и населенными пунктами во избежание загрязнения. В нарушение законодательства компании при обработке пестицидами своих посевов не оставляли защитных полос, вели ее прямо у домов, общинной школы (даже во время занятий), подъездной дороги к общине и вблизи рек, которые протекают через земли компаний, до того как они пересекают территорию общины, и где коренные жители берут воду, ловят рыбу, купаются и стирают одежду (пункты 3.1–3.14 Решения). Комитет установил, что представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 17 и 27 Пакта, рассматриваемых отдельно и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

культурной самобытности³⁵. Как отмечает Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, ярко выраженное коллективное измерение культурной жизни коренных народов необходимо для их существования, благополучия и всестороннего развития и включает право на земли, территории и ресурсы, которые они традиционно имели в своем владении, занимали или иным образом использовали или приобрели. Поэтому *«необходимо уважать и защищать культурные ценности и права коренных народов, связанные с землями их предков и их связью с природой, во избежание деградации их особого образа жизни, в том числе средств к существованию, утраты природных ресурсов и, в конечном счете, их культурной самобытности»*. Комитет по ликвидации расовой дискриминации подтвердил – тесная связь, которую коренные народы поддерживают с землей, должна признаваться и пониматься как фундаментальная основа их культуры, их духовной жизни, их неприкосновенности и их экономического положения, их связь с землей представляет собой материальный и духовный элемент, которым они должны в полной мере пользоваться, чтобы сохранить свое культурное наследие и передать его будущим поколениям, то есть необходимым условием для *«недопущения их исчезновения как народа»*. Статья 27 Пакта, интерпретируемая в свете Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, закрепляет *неотъемлемое право коренных народов на пользование территориями и природными ресурсами, которые они традиционно использовали для пропитания и сохранения культурной самобытности* (пункт 8.6 Соображений).

Необходимы меры по обеспечению реального участия коренных народов в принятии затрагивающих их решений. В частности, принципиально важно, чтобы меры, которые ставят под угрозу хозяйственную деятельность, представляющую культурную ценность, или препятствуют ей, осуществлялись с учетом свободного, предварительного и осознанного согласия членов общины; кроме того, *они должны уважать принцип соразмерности таким образом, чтобы они не ставили под угрозу само существование общества* (пункт 8.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по утверждению авторов сообщения, обстоятельства дела указывали на нарушение статьи 17 Пакта, поскольку их домашние животные, посеvy, плодовые деревья, а также охота, рыболовство и собирательство составляли элементы их частной жизни, семьи и жилища, и что отсутствие государственного контроля за сельскохозяйственной деятельностью, которая

³⁵ Для сведения: в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков \(рабочих групп\), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты культурных прав.](#)

загрязняла их водоемы, привела таким образом к гибели их посевов и домашних животных, способствовала массовой гибели рыбы, пчел и дичи и вызвала у них проблемы со здоровьем, представляло собой произвольное вмешательство в их частную и семейную жизнь и их жилища (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отметил, что авторы сообщения и другие члены коренной общины Кампо-Агуа'э принадлежат к народу ава-гуарани, одному из коренных народов, признаваемых Конституцией государства-участника, как предшественников образования и учреждения государства. Эта община получила юридическое признание ее традиционной территории в 1987 году в Декрете Президента Парагвая № 21.910. Их жилища расположены на окраине территории, а в центре сохранился лес, что обеспечивает общину необходимыми ресурсами для сохранения ее культурной самобытности. Комитет указал, что источниками средств к существованию членов коренной общины (в том числе авторов сообщения) служат посевы, домашние животные, плодовые деревья, охота, собирательство, рыболовство и водные ресурсы – все элементы их территории, где они обитают и живут своей частной жизнью. Изложенное выше не было опровергнуто государством-участником. Комитет счел, что *названные выше элементы составляли образ жизни авторов и других членов общины, поддерживающих особые отношения со своей территорией, и являлись элементами, которые могут подпадать под защиту статьи 17 Пакта* (пункт 8.3 Соображений).

Комитет обратил внимание: государство-участник не осуществляло надлежащего контроля за незаконными действиями, вызвавшими загрязнение, что задокументировано, отмечено самим государством-участником и даже признано обоими обвиняемыми владельцами компаний. Не обеспечив надлежащего контроля, государство-участник не предотвратило загрязнения. Невыполнение ими своей обязанности по защите позволило в течение многих лет продолжать массовое опрыскивание в нарушение законодательства, включая использование запрещенных пестицидов, что не только вызвало проблемы со здоровьем у членов общины (в том числе детей из-за опыления в нескольких метрах от школы во время занятий), но и привело к загрязнению их водоемов, уничтожению их посевов, без которых члены общины оставались без пищи, и гибели их домашних животных и способствовало массовой гибели рыбы и пчел – составных элементов их частной и семейной жизни и их жилища. Комитет заявил, что *государство-участник не представило никаких других объяснений, опровергающих предполагаемую причинно-следственную связь между опылением агрохимикатами и упомянутым ущербом* (пункт 8.4 Соображений).

Авторы сообщения утверждали: в обстоятельствах данного дела также имело место нарушение статьи 27 Пакта. Они указывали, что ущерб окружающей среде, причиненный опрыскиванием, имел серьезные

последствия, равносильные отказу в праве пользоваться своей культурой. Во-первых, потеря природных ресурсов, связанных с выращиванием членами общины для себя продуктов питания, в свою очередь, угрожает их культуре и исконным обычаям, связанным с охотой, рыболовством, собирательством в лесу и агроэкологией гуарани, *приводя таким образом к утрате традиционных знаний*. Во-вторых, обряды посвящения «митакараи» больше не проводятся из-за исчезновения материалов для строительства дома танцев «йерокиха», которые раньше они находили в лесу; кукурузы сорта авати, из которой делали «чичу кагуи», обязательный элемент этого священного обряда; и воска, используемого для изготовления обрядовых свечей, из-за массового вымирания диких пчел «ятеи». Из-за прекращения выполнения этого обряда дети не приобщаются к важной части их самобытной культуры, а у последних священнослужителей «опораива» больше нет учеников, что угрожает сохранению их культурной самобытности. В-третьих, произошло ослабление общинной структуры, поскольку несколько семей уехали. Авторы сообщения указывали – они несут личную ответственность перед общиной за обеспечение передачи культуры от поколения к поколению, учитывая их роль руководителя общины и учителя (пункт 8.5 Соображений).

Комитет считал, что авторы и другие члены общины осуществляли право на пользование своей культурой в отношении образа жизни, тесно связанного с их территорией, и использования имеющихся на ней природных ресурсов. Комитет установил: массовое опрыскивание пестицидами представляло собой угрозу, которую *государство-участник могло разумно предвидеть*; кроме того, об указанной деятельности и ее последствиях для членов общины были поставлены в известность компетентные государственные органы; прокуратура также установила, что наличие состава уголовно-наказуемого деяния было «полностью доказано», а сами обвиняемые владельцы компаний признали свою вину. Государство-участник не прекратило эту деятельность, тем самым допустив продолжающееся загрязнение рек, где авторы ловят рыбу, черпают воду, купаются и стирают одежду, дальнейшую гибель их скота, служившего им источником пропитания, и продолжающееся уничтожение их посевов и ресурсов в лесу, где они занимаются охотой и собирательством. Комитет указал, что *государство-участник не представило другого объяснения происшедшему и не обосновало принятия каких-либо мер для защиты прав авторов и других членов общины на свою культурную жизнь* (пункт 8.8 Соображений).

Комитет отметил, что по утверждению авторов сообщения, факты свидетельствовали о нарушении положений пункта 3 статьи 2 Пакта вместе со статьями 17 и 27 Пакта из-за отсутствия эффективных средств правовой защиты для их ограждения от нарушений. Авторы указывали, что, даже несмотря на то, что у властей было достаточно сведений для того, чтобы установить причинно-следственную связь между незаконным использованием пестицидов компаниями и вредным воздействием на их

здоровье и сохранность их территории – на основании чего прокуратура предъявила уголовное обвинение, – следствие по уголовному делу, начатое в 2009 году, не завершено, а доказательства, истребованные прокуратурой, не были представлены; опыление продолжало проводиться с нарушениями законодательства, а ущерб не устранен, несмотря на возможность соглашения по ходатайствам обвиняемых владельцев компаний о приостановлении разбирательства с условием признания своей ответственности. Прокуратура в нарушение уголовно-процессуального законодательства также не привлекла технического консультанта, специализирующегося на вопросах коренных народов, который мог бы добиваться того, чтобы в ходе расследования учитывалось культурное разнообразие и было задокументировано неодинаковое воздействие нарушений на членов общины. Комитет счел, что по прошествии более 12 лет после того, как авторами сообщения было подано заявление о возбуждении уголовного дела в связи с распылением пестицидов, воздействию которых они также подвергались все это время, расследование существенно не продвинулось и государство-участник не представило объяснений, оправдывающих указанную задержку, что не позволило возместить причиненный ущерб в нарушение положений пункта 3 статьи 2 в совокупности со статьями 17 и 27 Пакта (пункт 8.9 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 17 и 27 Пакта, рассматриваемых отдельно и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 9 Соображений).

обеспечение сохранности персональных данных

практика Комитета ООН по правам человека

[Дело «Махараджей Мадхевоо против Маврикия»](#)³⁶. Соображения приняты Комитетом по правам человека 24 марта 2021 года. Сообщение № 3163/2018³⁷.

Правовые позиции Комитета: *вмешательство, разрешаемое государствами, может совершаться только на основании закона, который*

³⁶ Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 11 \(2021\)](#).

³⁷ Как следовало из текста Соображений, автор утверждал: Закон о национальном удостоверении личности с внесенными в него поправками затрагивает его права по статье 17 Пакта, поскольку он предусматривает обязательное использование и сохранение конфиденциальных персональных данных в удостоверении личности, предоставление которых государственным должностным лицам может потребоваться. Он также отмечал, что этот закон не отвечал требованиям законности, соразмерности и необходимости. Комитет установил нарушение государством-участником прав автора, предусмотренных статьей 17 Пакта.

должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта. Аналогичным образом законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе. Комитет напоминает, что вмешательство не является «неправомерным» по смыслу пункта 1 статьи 17 Пакта, если оно согласуется с применимым внутренним законодательством в его толковании национальными судами (пункт 7.3 Соображений).

Комитет отмечает: введение понятия «произвольность» призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, «должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно отвечать принципам разумности в конкретных обстоятельствах». Следовательно, *любое вмешательство в личную и семейную жизнь должно быть соразмерным законной преследуемой цели и необходимым с учетом обстоятельств каждой конкретной ситуации.* Комитет напоминает, что государствам следует принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку или использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Учитывая характер и масштабы вмешательства, возникающего в связи с обязательной обработкой и регистрацией отпечатков пальцев, Комитет считает необходимым наличие четких, подробных правил, регулирующих сферу охвата и применение мер, а также минимальных гарантий, касающихся, в частности, хранения (в том числе его продолжительности), использования, доступа третьих лиц и процедур сохранения целостности и конфиденциальности данных, а также процедур их уничтожения, обеспечивая тем самым достаточные гарантии против риска злоупотреблений и произвола (пункт 7.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вмешательство, ставшее предметом сообщения, в случае данной жалобы, то есть обработка и регистрация отпечатков пальцев, было предусмотрено разделом 4 (2 с) Закона о национальном удостоверении личности³⁸. Комитет также отметил, что Верховный суд Маврикия установил: «существует закон, предусматривающий запись и сохранение отпечатков пальцев и других биометрических данных, касающихся личности человека». Комитет счел – аргумент автора относительно сферы действия некоторых положений Закона не позволяет ему сделать следующий вывод – обработка отпечатков его пальцев не предусмотрена законом. Поэтому Комитет не смог сделать вывод

³⁸ Этот раздел гласит: «Каждое лицо, подающее заявление на получение удостоверения личности, должно ... (с) разрешить снять и зарегистрировать отпечатки пальцев и другую биометрическую информацию о себе».

о том, что вмешательство в частную жизнь автора являлось неправомерным (пункт 7.3 Соображений).

В данном деле Комитет принял к сведению замечание государства-участника о необходимости обеспечения баланса между защитой персональных данных и насущной общественной потребностью предотвращения мошеннического использования персональных данных. Он отметил, что Верховный суд государства-участника справедливо постановил: снятие отпечатков пальцев оправдано целью предотвращения мошенничества. Комитет также указал, что власти государства-участника перенесли функцию сохранения данных о дактилоскопических отпечатках пальцев с систем органов власти на индивидуальных владельцев удостоверений личности, потребовав, *чтобы такие данные были включены в само удостоверение*. Автор, а также Судебный комитет Тайного совета отметили – названное изменение делает неэффективной цель сравнения с ранее представленными биометрическими данными и тем самым влияет на способность властей государства-участника предотвращать мошенническое использование персональных данных. Комитет подчеркнул, что государство-участник не ответило на этот конкретный вопрос и не объяснило, каким образом запись и сохранение данных об отпечатках пальцев на индивидуальных удостоверениях личности может эффективно предотвратить мошенническое использование персональных данных (пункт 7.5 Соображений).

Автор сослался в этой связи на вывод Верховного суда о том, что бессрочные запись и сохранение данных о дактилоскопических отпечатках пальцев в центральной базе данных является неконституционным. В результате власти государства-участника прекратили осуществлять запись и сохранение данных о дактилоскопических отпечатках пальцев именно таким образом. Тем не менее государство-участник не ответило на утверждение автора о том, что сохранение данных об отпечатках пальцев на индивидуальных удостоверениях личности усугубляет пробелы в системе безопасности, выявленные Верховным судом. В частности, автор указал: возложение ответственности за такое хранение на владельцев удостоверений личности сопряжено с рисками потери и хищения данных об отпечатках пальцев, учитывая легкость их копирования на поддельные карты. *Принимая во внимание отсутствие информации, предоставленной государством-участником относительно осуществления мер по защите биометрических данных, хранящихся на удостоверениях личности, Комитет не смог сделать вывод о наличии достаточных гарантий против риска злоупотребления и произвольного вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни в результате потенциального доступа к таким данным на удостоверениях личности*. В свете вышеупомянутых озабоченностей по поводу способности системы помочь предотвратить мошенническое использование персональных данных Комитет счел, что [меры] по поводу

безопасности не могут считаться [надлежащими]. Поэтому, несмотря на возможность существования оснований и обстоятельств, при которых обработка биометрических данных не приведет к произвольному вмешательству по смыслу статьи 17 Пакта, Комитет установил, что в конкретных обстоятельствах указанного дела запись и сохранение данных об отпечатках пальцев автора на удостоверении личности, как это предписано Законом о национальном удостоверении личности, будет представлять собой произвольное вмешательство в его право на неприкосновенность частной жизни, что противоречит статье 17 Пакта (пункт 7.6 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником прав автора, предусмотренных статьей 17 Пакта.

[Дело «Н.К. против Нидерландов»](#)³⁹. Соображения приняты Комитетом по правам человека 18 июля 2017 года. Сообщение № 2326/2013⁴⁰.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что... предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Международного пакта о гражданских и политических правах и *быть разумным в конкретных обстоятельствах*. Понятие «произвольность» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащей правовой процедуры наряду с элементами разумности, необходимости и соразмерности. Даже несмотря на то, что в обществе защита личной жизни не может быть абсолютной, *компетентные государственные органы должны иметь возможность запрашивать только ту информацию, касающуюся личной жизни индивида, получение которой необходимо в интересах общества, как они понимаются в Пакте*. В отношении вмешательства, которое отвечает Пакту, в соответствующем законодательстве следует подробно определять конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Решение о санкционировании такого вмешательства должно приниматься только конкретным органом, предусмотренным законом, и строго индивидуально (пункт 9.5 Соображений).

³⁹ Ранее опубликовано в [Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 \(2018\)](#).

⁴⁰ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что она подверглась произвольному вмешательству в ее личную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта. Отметила, что в нарушение пункта 4 статьи 14 Пакта власти не приняли во внимание ее наилучшие интересы и тот факт, что в момент издания постановления и сдачи образца ДНК она еще была ребенком. Она также утверждала, что ее возраст не был принят во внимание при оценке интересов в связи с анализом образца ее ДНК. Комитет установил нарушение статьи 17 Пакта.

[Д]ети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию и по своим эмоциональным и образовательным потребностям. Как это предусмотрено среди прочего в статьях 14 (пункт 4) и 24 Пакта, государства-участники обязаны принимать специальные меры защиты. В частности, во всех решениях, принимаемых в контексте отправления правосудия по делам несовершеннолетних, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка. Особое внимание следует уделять необходимости защиты частной жизни детей в уголовном судопроизводстве (пункт 9.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент автора о том, что прохождение ею процедуры анализа ДНК представлял собой произвольное вмешательство в ее личную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта. В частности, она утверждала, что ни ее возраст, ни характер преступления, за которое она была осуждена, не были приняты во внимание при вынесении генеральным прокурором постановления об анализе ДНК; постановления о проведении анализа ДНК издаются автоматически без проведения оценки особых обстоятельств конкретного дела и предмет опротестования не включает само взятие пробы (пункт 9.2 Соображений).

Комитет счел, что сбор ДНК-материала для целей анализа и хранения собранного материала в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования, являлся достаточно интрузивной мерой и, следовательно, представлял собой «вмешательство» в личную жизнь автора в соответствии со статьей 17 Пакта. Даже если, как указывает государство-участник, профиль ДНК автора был позднее уничтожен в результате нового приговора суда в рамках апелляции, Комитет счел, что вмешательство в личную жизнь автора уже произошло. Вопрос заключался в том, является ли такое вмешательство произвольным или незаконным в соответствии со статьей 17 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что анализ ДНК, регулируемый Законом об анализе ДНК Нидерландов, преследует законную цель, а именно: расследование, уголовное преследование и судебное рассмотрение серьезных преступлений и защиту прав других лиц, в том числе потенциальных жертв насилия или преступлений на сексуальной почве. Он являлся соразмерным с учетом того, что обеспечивал минимальное вмешательство, поскольку образец отбирается наименее инвазивным методом; образец хранится анонимно в течение ограниченного периода времени; эта процедура распространяется только на лиц, осужденных за преступления определенной степени тяжести; и она является необходимой в демократическом обществе, учитывая отсутствие других столь же эффективных средств предупреждения и расследования таких преступлений (пункт 9.4 Соображений).

В данном случае Комитет отметил, что 18 марта 2009 года автор была приговорена к 36 часам общественных работ за словесные оскорбления и кражу. В тот же день окружной прокурор постановил провести анализ ее ДНК, и образец ткани был взят 8 апреля 2009 года. Хотя государство-участник предоставило разъяснения в отношении содержания и общего применения Закона об анализе ДНК, оно не привело (в свете заявленной государством-участником законной цели) причину необходимости проведения обязательного анализа ДНК автора с учетом ее участия в уголовных деяниях и характера этих деяний (пункт 9.6 Соображений).

Комитет отметил заявление автора о том, что в соответствии с Законом об анализе ДНК постановления об анализе ДНК издаются автоматически в отношении лиц, которые получили наказание в виде лишения свободы, заключения под стражу в исправительное учреждение для несовершеннолетних или альтернативной меры наказания за совершение правонарушений такой тяжести, за которую может быть назначено досудебное содержание под стражей. Государство-участник признало: Закон предусматривает только ограниченное взвешивание интересов государственным прокурором перед изданием постановления об отборе образца ткани. Комитет...отметил, что, хотя в соответствии с пунктом 1 «b» статьи 2 Закона существовали исключения в отношении анализа ДНК, они сформулированы очень узко и не включали, например, учет возраста правонарушителя, как это было признано государством-участником. Согласно государству-участнику, пункт 1 «b» статьи 2 Закона применяется только в исключительных случаях, например, когда соответствующее лицо на практике не может совершить рецидив (например, из-за телесных повреждений) (пункт 9.7 Соображений).

Комитет отметил, что этот закон предусматривал средства правовой защиты не в отношении самого отбора образцов ткани, а лишь в отношении определения и обработки данных профиля ДНК того или иного лица. Государство-участник утверждало – соответствующее лицо может подать ходатайство о вынесении гражданско-правового судебного запрета, оспорив отбор образца ткани на основании того, что, беря образец для целей анализа ДНК, государство совершает противоправное деяние. Вместе с тем государство-участник не доказало, что такое средство правовой защиты было бы эффективным, учитывая, в частности, что отбор образца ткани является «законным» в соответствии с внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отметил, что в случае принятия судом решения об отклонении протеста в отношении обработки данных профиля ДНК того или иного лица, апелляция невозможна (пункт 9.8 Соображений).

Комитет принял к сведению позицию государства-участника, согласно которой отбор образца ткани связан с весьма незначительным вмешательством в личную жизнь, поскольку образец ткани и профиль ДНК шифруются и хранятся анонимно. Вместе с тем Комитет...отметил, что

образец ткани и профиль ДНК хранятся в случае серьезных преступлений в течение 30 лет и в течение 20 лет в случае менее серьезных правонарушений (пункт 9.9 Соображений).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что [Закон об анализе ДНК] не делает различия между детьми и взрослыми, поскольку не существует оснований для того, чтобы проводить юридическое различие между ними в целях предупреждения, расследования и уголовного преследования преступлений, и что этот закон не противоречит наилучшим интересам ребенка. Как пояснил автор, ее возраст так и не был принят во внимание, в том числе во время всего процесса отбора образца ткани, когда она не была проинформирована о возможности опротестовать отбор образца сотрудником полиции и о том, что она могла сопровождаться ее законным представителем (пункт 9.10 Соображений).

Комитет счел – хотя вмешательство в личную жизнь автора не являлось нарушением внутреннего законодательства, оно не было соразмерно законной цели предупреждения и расследования серьезных преступлений. Поэтому Комитет пришел к выводу, что это вмешательство было произвольным и явилось нарушением статьи 17 Пакта (пункт 9.11 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении статьи 17 Пакта (пункт 10 Соображений).

право лица на уважение семейной жизни

реализация Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года

практика Комитета ООН по правам человека

[Дело «Ж.И. против Франции»](#)⁴¹. Соображения приняты Комитетом по правам человека 5 марта 2021 года. Сообщение № 2944/2017⁴².

⁴¹ Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 \(2022\)](#).

⁴² Как следовало из текста Соображений, автор утверждала - она и ее сын являлись жертвами нарушения их прав, предусмотренных статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта. Она сочла, что невозвращение ее сына в Израиль являлось законным в соответствии со статьей 3 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей на основании неспособности ее мужа осуществлять право опеки. Автор подчеркнула, на момент указанных событий ее муж был госпитализирован и проводил всего несколько часов в день с женой и сыном, который был младенцем. Она также утверждала, что две причины не позволили ей вернуться в Израиль с ребенком: с одной стороны, состояние здоровья отца, а, с другой, подход отца, который добивался от израильского суда запрета на выезд ребенка из Израиля еще до

Правовые позиции Комитета: применение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года может иметь последствия для осуществления прав, закрепленных в Пакте; *это не означает, что применение Конвенции обязательно влечет за собой нарушение права на защиту семейной жизни* (пункт 9.3 Соображений).

Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой *вмешательство, предусмотренное законодательством, должно отвечать положениям, целям и задачам Пакта и должно в любом случае являться разумным в соответствующих конкретных обстоятельствах*. Понятие «произвольность» включает в себя элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности (пункт 9.4 Соображений).

Оценка фактических обстоятельств дела, а также представленных доказательств относится к компетенции национальных судов, если только не будет установлено, что процедуры, использованные национальными судами, были произвольными или равнозначными отказу в правосудии (пункт 9.5 Соображений).

Комитет напоминает принцип, согласно которому во всех решениях, затрагивающих детей, в качестве первоочередного соображения выступают наилучшие интересы ребенка (пункт 9.7 Соображений).

возвращения последнего в Израиль, запланированного на 14 сентября 2012 года, без каких-либо попыток предварительного примирения или посредничества. Автор обратила внимание - продление ее пребывания во Франции с сыном было также мотивировано состоянием ее здоровья, которое ухудшилось из-за испытаний, перенесенных ею в связи с госпитализацией мужа, учебой в магистратуре, беременностью и тремя последовательными переездами; она также утверждала, что, хотя национальные суды не оспаривали медицинские справки, представленные с этой целью, они не стремились рассмотреть это основание по существу. Автор отметила, что французские суды проигнорировали запрет на произвольное вмешательство в ее семейную жизнь и в право этой семьи на защиту со стороны государства в нарушение статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта. Автор также утверждала, что французские суды не приняли во внимание исключения, предусмотренные Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, чтобы требовать немедленного возвращения ребенка. Она исходила из позиции - ей не было обеспечено эффективное рассмотрение ее утверждений в соответствии с подпунктом «b» статьи 13 данной Конвенции и вынесение специально обоснованных решений. Поэтому автор сочла, французские суды не изучили ни состояние здоровья ее мужа после аварии, ни последствия возвращения ребенка в Израиль. При этом французские суды проигнорировали право ребенка на защиту со стороны государства, которое гарантировано пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункты 3.1-3.2 Соображений). Комитет установил, что представленные факты не свидетельствовали о нарушении прав автора и ее сына, предусмотренных статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта.

Применение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [Комитет] интересуется только в той мере, в которой оно связано с осуществлением и реализацией прав, защищаемых Пактом, в данном случае – права на защиту семейной жизни и обязательством государства защищать ребенка. Комитет также отмечает, что характер механизма, предусмотренного Конвенцией, направлен на решение неотложных ситуаций, не обязательно связанных с правами постоянной опеки, которых может требовать родитель (пункт 9.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения автора о том, что, объявив невозвращение ее ребенка Т.Н. в Израиль незаконным во исполнение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, французские суды нарушили ее права и права ее сына, предусмотренные статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отметил, что в данном конкретном случае автор не продемонстрировала, каким образом решения национальных судебных органов, предписывающие возвращение ребенка в Израиль в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, не отвечали положениям Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Что касается утверждения о том, что состояние здоровья автора не позволило ей выехать в Израиль с ребенком в согласованную дату, то Комитет отметил, эта ситуация подпадает под исключения, предусмотренные в статьях 3 и 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Комитет также подчеркнул: два соответствующих суда – суд большой инстанции Марселя и Апелляционный суд Экс-ан-Прованса, – хотя и не подвергли сомнению справки, представленные в поддержку этого заявления, однако не приняли их во внимание в своих решениях. Комитет отметил замечание государства-участника о том, что аргумент автора, основанный на состоянии ее здоровья, не является обстоятельством, предусмотренным статьями 3 и 13 Конвенции, и по этой причине не влечет за собой нарушения статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта. Комитет также учел аргумент государства-участника – автор не смогла доказать, что она была совершенно не в состоянии путешествовать и впоследствии отдыхать и лечиться в Израиле и что ее состояние могло бы оправдать длительную разлуку ребенка с отцом несмотря на требование последнего (пункт 9.5 Соображений).

Что касается жалобы по пункту 1 статьи 24 Пакта, то Комитет принял к сведению утверждение автора – власти не приняли во внимание исключения, предусмотренные в пункте «b» статьи 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, не выяснив ни состояние здоровья ее мужа, ни последствия возвращения ребенка в Израиль. Комитет учел аргумент государства-участника о том, что национальные суды не прибегли к дальнейшему изучению состояния здоровья ее мужа, поскольку в

соответствии с Конвенцией бремя доказывания наличия серьезного риска возлагается на родителя, возражающего против возвращения ребенка. Комитет также принял к сведению аргумент государства-участника о том, что решение национальных властей объявить невозвращение ребенка в Израиль незаконным никоим образом не было направлено на разлучение ребенка с матерью, а наоборот, было направлено на сохранение ее совместной с отцом опеки. Комитет отметил: автор не оспорила тот факт, что она имела совместную опеку над ребенком со своим мужем как в силу их статуса неразведенных супругов, так и в силу решения суда по семейным делам Петах-Тиквы от 15 декабря 2014 года, в который с иском обратился отец. Комитет также указал, власти государства-участника настаивали на том, чтобы муж автора предоставил гарантии, связанные с попечением об авторе после ее возвращения и возвращения ее ребенка в Израиль (пункт 9.6 Соображений).

Комитет счел – в данном конкретном деле *автор не представила никаких доказательств того, что наилучшие интересы ребенка не были приняты во внимание национальными судами*, которые рассмотрели элементы, связанные с осуществлением права на семейную жизнь автора и ребенка путем обеспечения того, чтобы последний мог жить с обоими родителями. Комитет отметил, решением от 15 декабря 2014 года суд по семейным делам Петах-Тиквы уже установил совместную опеку обоих родителей над ребенком. Комитет также подчеркнул, Апелляционный суд Экс-ан-Прованса затребовал и получил от мужа автора гарантии защиты интересов ребенка и автора, в частности, прекращение действия запрета на выезд ребенка из Израиля, письменный отказ от права требовать «в будущем» запрета на выезд ребенка и его матери из Израиля, письменный отказ от любого уголовного или гражданского исполнительного производства в отношении автора в связи с незаконным перемещением и, наконец, обязательство предоставить жилье и финансовую помощь в течение не менее четырех месяцев автору и ребенку после их возвращения в Израиль (пункт 9.7 Соображений).

По мнению Комитета, автор по-прежнему сможет требовать установления опеки над своим ребенком в соответствующем органе, если это будет необходимо (пункт 9.8 Соображений).

Комитет счел, что автор не продемонстрировала, каким образом решения национальных судов, объявляющие невозвращение ребенка Т.Н. в Израиль незаконным на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, не отвечают критериям разумности, объективности и законности преследуемой цели (пункт 9.9 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствовали о нарушении прав автора и ее сына, предусмотренных статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта.

практика Комитета ООН по правам ребенка

[Дело «Н.Е.Р.А. против Чили»](#)⁴³. Соображения приняты Комитетом по правам ребенка 1 июня 2022 года. Сообщение № 121/2020⁴⁴.

Правовые позиции Комитета: рассмотрение фактов и доказательств и толкование норм национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии. Комитет считает, что в случаях международного возвращения детей и подростков роль Комитета заключается не в том, чтобы решать, была ли правильно истолкована или применена национальными судами Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а в том, *чтобы обеспечить соответствие такого толкования или применения обязательствам, установленным Конвенцией о правах ребенка* (пункт 7.4 Соображения).

⁴³ Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 \(2023\)](#).

⁴⁴ Как усматривалось из текста Соображений, автор сообщения утверждала, что, приняв решение о возвращении ее ребенка в Испанию, государство-участник нарушило ее права по статьям 3, 9, 11 и 23 Конвенции по правам ребенка. В отношении статьи 3 Конвенции автор сообщения напомнила, что концепция обеспечения наилучших интересов ребенка является основным правом, принципом толкования норм права и правилом процедуры. Автор сообщения подчеркнула особую уязвимость ее сына, у которого диагностирован аутизм. Она утверждала, что конкретно в его деле Верховный суд Республики Чили (далее – Верховный суд) не рассмотрел обстоятельств наилучшего обеспечения интересов ребенка и не придал им должного значения, поскольку, как указано в его постановлении, он основывал свое решение исключительно на Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а не на соблюдении по форме и по существу принципа, закрепленного в статье 3 Конвенции. В отношении статьи 9 Конвенции автор утверждала, что из-за аутизма Х.М. (сын автора) его разлучение с матерью будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья. В отношении статьи 11 Конвенции автор сообщения утверждала, что государство-участник не должно было передавать ребенка в государство, если имеются разумные основания полагать, что ему будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда. Автор также утверждала, что в нарушение статьи 23 Конвенции Верховный суд не принял должным образом во внимание состояние Х. М., у которого в раннем возрасте был диагностирован аутизм и который получает медицинскую помощь в Чили. Его перемещение в Испанию на практике приведет к разлуке с матерью, являющейся его основным опекуном, с которой он чувствует себя в безопасности и установил самые крепкие эмоциональные связи. Комитет установил нарушение государством-участником пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23.

[П]ринцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка, налагает как процедурные, так и материальные обязательства (пункт 7.4 Соображения).

Комитет напоминает: согласно пункту 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, государства-участники должны обеспечить первоочередной учет наилучших интересов ребенка во всех действиях или решениях, предпринимаемых в отношении детей государственными учреждениями. Комитет также обращает внимание на то, что решение о возвращении ребенка в другую страну является «действием» по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет подчеркивает, что наилучшие интересы ребенка должны быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка... с учетом его личного контекста, положения и потребностей» (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Конвенция о правах ребенка должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. При любом таком толковании необходимо должным образом учитывать контекст применения Конвенции, который согласно подпункту «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров включает «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека. Относительно международного похищения детей Конвенция о правах ребенка должна толковаться с учетом обязательств государств-участников по Гагской конвенции, тем более что, как признает государство-участник, на основании статьи 11 Конвенции о правах ребенка государства-участники должны принимать меры против незаконного вывоза и удержания детей за границей, в том числе путем присоединения к таким соглашениям, как Гагская конвенция (пункт 8.3 Соображения).

Комитет признает сложность и разнообразие обстоятельств, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае, а также тот факт, что цели Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а именно: предотвращение похищения детей и их немедленное возвращение, направлены на обеспечение защиты наилучших интересов ребенка⁴⁵. Комитет отмечает, что Гагская конвенция устанавливает твердую презумпцию того, что обеспечение наилучших интересов ребенка означает его немедленное возвращение. Однако эта

⁴⁵ Среди прочего, Гагская конвенция направлена на защиту права детей не быть незаконно вывезенными или удержанными, на то, чтобы решение об опеке или попечительстве принималось судьей по месту их обычного проживания, на поддержание регулярных контактов с обоими родителями и их семьями и на быстрое разрешение просьбы о возвращении. См.: Пояснительный доклад докладчика по Гагской конвенции, пункты 11 и 24–25.

презумпция может быть опровергнута исключениями, установленными в статьях 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, в соответствии с которыми в каждом конкретном случае требуется определение того, будет ли в действительности такое возвращение вступать в явное противоречие с обеспечением наилучших интересов ребенка. В таких случаях наилучшие интересы ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции о правах ребенка являются основным соображением при принятии решения о возвращении. Комитет отмечает, что вышесказанное не означает, что решение о международном возвращении ребенка, принятое национальным судом исключительно на основании Гаагской конвенции, в обязательном порядке обеспечивает соблюдение обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка. В частности, поскольку право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы учитывались в первую очередь, предполагает применение процессуальных гарантий и толковательных стандартов, нельзя просто заявить, что все решения национальных судов, принятые исключительно на основании Гаагской конвенции, неизбежно приведут к соблюдению статьи 3 Конвенции о правах ребенка. *Именно национальные суды должны обеспечить соблюдение стандартов статьи 3 Конвенции о правах ребенка в каждом решении, в котором применяются или используются исключения, предусмотренные статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции (пункт 8.4 Соображения).*

Комитет считает, что при принятии решений по делам о международном похищении детей национальные суды должны, во-первых, эффективно оценивать факторы, которые могут составлять исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка (согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей), в частности, когда такие факторы поднимаются одной из сторон разбирательства, а также принимать достаточно обоснованное решение по этому вопросу. Во-вторых, такие факторы должны оцениваться с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет подчеркивает – второе условие в значительной степени зависит от фактических определений, которые, как правило, относятся к юрисдикции национальных судов. Комитет отмечает: учитывая, что Гаагская конвенция призвана обеспечить справедливый баланс между стандартом, устанавливающим презумпцию в пользу международного возвращения ребенка, и факторами, которые в определенных случаях могут сделать такое возвращение противоречащим наилучшим интересам ребенка, представляется маловероятным, что надлежащее соблюдение вышеупомянутых процедурных гарантий приведет к существенному нарушению статьи 3 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

Комитету известно, что целью Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей является возвращение детей в страны их обычного проживания, чтобы в случае необходимости вопросы опеки и защиты детей решались в данной юрисдикции. Он также

отмечает, что решения о возвращении должны приниматься в оперативном порядке с целью обеспечения надлежащего восстановления нормального положения ребенка и практических гарантий осуществимости возвращения, во избежание искажения цели и объекта Гаагской конвенции⁴⁶. В связи с этим Комитет считает, что в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка следует придерживаться строгого толкования исключений из обязательства вернуть ребенка, установленных в Гаагской конвенции. От национальных судей, призванных применять Гаагскую конвенцию, нельзя требовать такого же уровня изучения наилучших интересов ребенка, как и от судей, призванных принимать решения об опеке, порядке посещения или других связанных с этим вопросов, особенно в случае отсутствия доступа первого из вышеупомянутых судей к тем же доказательствам и информации, что и судей страны обычного проживания. Тем не менее судья, выносящий решение о возвращении, должен оценить с учетом ограниченных исключений, установленных в Гаагской конвенции, и в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции о правах ребенка степень, в которой возвращение может нанести ребенку физический или психологический ущерб или иным образом будет явно противоречить его наилучшим интересам (пункт 8.6 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент автора сообщения о том, что в своем решении Верховный суд неправильно применил концепцию обеспечения наилучших интересов ребенка как по форме, так и по существу. Во-первых, Комитет счел, что рассмотрение этого утверждения не означало взятие им на себя роли апелляционного органа или пересмотр толкования судами норм национального законодательства, действующих в государстве-участнике; скорее, это могло означать рассмотрение вопроса о соответствии внутренних решений обязательствам государства-участника по Конвенции о правах ребенка согласно статье 5 Факультативного протокола. Во-вторых, Комитет отметил, что, поскольку принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка, налагает как процедурные, так и материальные обязательства, то в компетенцию Комитета входит проверка соответствия этим обязательствам аргументации, лежащей в основе решений, принятых национальными судами. В-третьих, Комитет указал, что само существо утверждений автора сообщения заключается в определении объема обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка в отношении решений, принятых на основе Гаагской конвенции (пункт 7.4 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент автора сообщения о том, что решение о возвращении Х.М. (сын автора) в Испанию нарушит статьи 9 и 23 Конвенции о правах ребенка, поскольку его возвращение будет иметь

⁴⁶ Пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, пункт 22.

серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья, особенно с учетом его аутизма, так как это повлечет за собой его разлуку с матерью, которая является его основным опекуном и человеком, с кем у него установлены самые крепкие эмоциональные связи. Комитет отметил, что данные утверждения основаны на фактической предпосылке, сводящейся к тому, что возвращение Х.М. повлечет за собой его разлуку с матерью. Комитет напомнил, что в его функции, как правило, не входит установление или пересмотр фактов, определенных национальными судами. Однако, поскольку автор сообщения утверждал, что Верховный суд не уделил должного внимания ее возможному расставанию с Х.М. и тому влиянию, которое такое расставание окажет на ребенка ввиду его особой уязвимости, Комитет счел, что эти утверждения были достаточно обоснованы для целей приемлемости, так как они могут быть признаны равносильными нарушениям статьи 3 Конвенции о правах ребенка в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 7.5 Соображения).

Комитет признал приемлемыми утверждения автора согласно статье 3 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 23, поскольку, возможно, наилучшие интересы Х.М. не были должным образом учтены, в частности, в связи с его возможной разлукой с матерью и тем влиянием, которое это окажет на его психическое здоровье с учетом его аутизма (пункт 7.7 Соображения).

Комитет должен был определить, был ли учет наилучших интересов ребенка основным соображением согласно статье 3 Конвенции при принятии Верховным судом решения о возвращении Х.М. в Испанию в порядке применения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (пункт 8.2 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей непосредственно направлено на обеспечение выполнения его обязательства учитывать наилучшие интересы ребенка в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и поэтому нельзя утверждать, что Верховный суд не учел наилучшие интересы Х.М. (пункт 8.3 Соображения).

Рассмотрев первоначальный вопрос о стандарте, применяемом в соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка к случаям международного возвращения детей, Комитет должен был определить, в какой степени в конкретном случае с Х.М. в решении Верховного суда соблюдался этот стандарт. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что все решения были должным образом обоснованы и мотивированы. Он также отметил, что после тщательного анализа доказательств и применимых стандартов Первый суд по семейным делам города Винья-дель-Мар, чье решение было позже подтверждено в апелляции, согласно пункту «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых

аспектах международного похищения детей отклонил ходатайство о возвращении Х.М. на основании того, что отец дал согласие на пребывание ребенка в государстве-участнике. Суд по семейным делам также отметил: следует уделить должное внимание тому факту, что возвращение Х.М. создаст для него «пагубную и вредную среду», особенно в свете его особой уязвимости из-за потенциальной разлуки с матерью, роль которой в жизни Х.М. особенно важна с учетом его состояния. Эти выводы стали частью исследования наилучших интересов ребенка в значении, предусмотренном Конвенцией о правах ребенка. Комитет отметил, что решением Верховного суда постановление суда по семейным делам было отменено на том основании, что доказанные факты не могли быть истолкованы как согласие отца сделать Чили местом постоянного проживания Х.М. Комитет отметил, что Верховный суд в своем решении указал: автор сообщения не доказала наличие серьезного риска в связи с запрошенным возвращением⁴⁷ (пункт 8.7 Соображения).

Комитет счел, что решение Верховного суда не опровергло должным образом ряд элементов, установленных и включенных в решение суда первой инстанции, а также подтвержденных Апелляционным судом, которые имели значение для определения того, должен ли Х.М. быть возвращен в Испанию, прежде всего с учетом его особой уязвимости, вызванной аутизмом, а также его потенциальной разлуки с матерью, занимающей в его жизни важное место в связи с его состоянием. Вышесказанное тем более имело значение в связи с тем, что данным решением были опровергнуты выводы нижестоящих судов в отношении исключения, установленного в пункте «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Несмотря на понимание того, что разлука, какой бы тяжелой она ни была для ребенка, автоматически не отвечает критерию серьезности риска, например, в свете требований пункта «b» статьи 13 Гаагской конвенции, необходимо было должным образом рассмотреть реальную возможность для родителя вернуться в страну обычного проживания ребенка и поддерживать с ним контакт, особенно в деле, подобном делу Х.М., учитывая описанные выше обстоятельства. В частности, особое внимание следовало уделить его юному возрасту на момент вынесения решения Верховным судом (три года), тому факту, что автор сообщения была особым лицом для Х.М. во время его лечения аутизма в государстве-участнике в течение предыдущих двух лет, а также тому, что в отношении автора был выдан ордер на арест в Испании. Комитет отметил: в

⁴⁷ Автор сообщения сослалась на исключение, предусмотренное пунктом «b» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, на основании того, что предполагаемая зависимость отца (большую часть дня отец проводил в общении с незнакомыми людьми в Интернете) может подвергнуть опасности Х.М., утверждение, которое Верховный суд счел недоказанным.

решении Верховного суда говорится только о правах отца и ничего не говорится о правах или наилучших интересах Х.М. Соответственно, не вдаваясь в обсуждение оценки Верховным судом фактов и применимых стандартов, Комитет счел: отсутствие достаточной аргументации в решении Верховного суда не позволило ему подтвердить, что суд эффективно оценил описанные выше факторы (пункт 8.8 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что сфера действия сообщения не может быть сведена к решению Верховного суда, поскольку промежуточное слушание по исполнению постановления о возвращении было проведено в целях обеспечения безопасного возвращения ребенка в страну его обычного проживания и тем самым обеспечения его наилучших интересов во избежание причинения ему непоправимого вреда. Комитет установил, что решение Верховного суда предписывало немедленное возвращение Х.М. в Испанию без указания условий, на которых должно состояться его возвращение. Комитет отметил – промежуточное слушание, состоявшееся 6 ноября 2020 года, было ограничено исполнением постановления о возвращении и поэтому *не могло исправить неспособность Верховного суда эффективно оценить факторы, которые могут представлять собой исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка*. Комитет счел, что суд, выносящий постановление о возвращении ребенка, на момент вынесения такого постановления должен быть уверен в том, что будут приняты все необходимые меры для его безопасного возвращения. Комитет отметил – решение о возвращении Х.М. в Испанию не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.10 Соображения).

в сфере миграционных отношений⁴⁸ (в том числе вопросы привлечения лица к ответственности в виде административного выдворения⁴⁹; вопросы депортации)

практика Комитета ООН по правам человека

Дело «Надим Хан против Канады»⁵⁰. Соображения приняты Комитетом по правам человека 7 февраля 2024 года. Сообщение № 3073/2017.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своем [3]амечании общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в котором он заявил, что в Пакте не содержится какого-либо определения понятий, охватываемых статьей 7, и что цель этого положения заключается в защите достоинства, физической и психической неприкосновенности человека как от преднамеренного, так и непреднамеренного вреда (пункт 2). В той мере, в какой утверждение автора касается его предполагаемых душевных страданий, вызванных невозможностью получить статус постоянного резидента, Комитет считает, что статья 3 Факультативного протокола не является препятствием для признания приемлемости утверждений автора по статье 7 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Комитет напоминает, что термин «жилище», используемый в статье 17 Пакта, следует понимать как обозначение места, где человек проживает или занимается своей обычной деятельностью (пункт 9.5 Соображений).

Комитет отмечает – в Пакте не содержится какого-либо определения понятий, охватываемых статьей 7, и Комитет не считает необходимым разрабатывать перечень запрещенных действий или устанавливать четкие

⁴⁸ Для сведения: как было отмечено выше, в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав мигрантов.](#)

⁴⁹ Для сведения: как было отмечено выше, в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено [Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения.](#)

⁵⁰ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что, отказав ему в праве на постоянное проживание, государство-участник заставило его жить в состоянии неопределенности в течение последних 20 лет, что равносильно жестокому обращению по смыслу статьи 7 Пакта, учитывая то, что он может в любой момент быть депортированным в Пакистан. Комитет пришел к выводу: представленная информация не свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 17 Пакта.

разграничения между различными формами наказания или обращения; эти разграничения зависят от характера, цели и жестокости применяемого обращения. Комитет также ссылается на свою установившуюся практику в рамках статьи 7, состоящую в том, что *оценка того, что представляет собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, подпадающее под действие статьи 7, зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность и характер обращения, его физические или психологические последствия, а также пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Поэтому уровень причиненных душевных страданий должен достичь определенного порога, чтобы представлять собой нарушение статьи 7 Пакта* (пункт 9.6 Соображений).

[В] соответствии с [З]амечанием общего порядка № 15 (1986) в Пакте не признается право иностранцев на въезд или проживание на территории какого-либо государства-участника и что государство в принципе имеет полное право решать, кого оно готово принять на своей территории. Однако в определенных случаях иностранец может пользоваться защитой Пакта даже в отношении въезда и проживания, например, в случае возникновения соображений недопущения дискриминации, запрещения негуманного обращения и недопущения вмешательства в семейную жизнь. Комитет также ссылается на свои [З]амечания общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь и № 19 (1990) о семье, согласно которым понятие «семья» должно толковаться широко (пункт 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: признано, что неопределенный иммиграционный статус автора заставил его испытывать страдания и стресс. Однако в свете фактов, имевших место в данном деле, Комитет не счел, что решение государства-участника отказать автору в постоянном виде на жительство было равносильно жестокому обращению. Комитет отметил: *утверждения автора относительно предполагаемых душевных страданий, вызванных этим решением, носят общий характер и он не представил никаких доказательств в поддержку своих утверждений о том, что перенесенные им страдания и переживания были настолько сильными, что подпадали под действие статьи 7 Пакта*. Поэтому Комитет оценил жалобу автора по статье 7 Пакта недостаточно обоснованной и, соответственно, неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 9.6 Соображений).

Комитет обратил внимание – автор проживал в Канаде с 1997 года; в 1999 году ему был предоставлен статус беженца. Комитет также отметил, что государство-участник не намерено было высылать автора в Пакистан и не предприняло для этого никаких шагов... Комитет установил, что, судя по имеющейся в деле информации, автору удастся сохранять прочные связи со своей сестрой, шурином и племянницами, которые живут в Канаде. Также отмечается, что, судя по имеющейся информации, автору удалось наладить социальные, экономические и эмоциональные связи, включая двухлетние

романтические отношения с канадской женщиной. Хотя автор утверждал, что сталкивался с трудностями в поддержании долгосрочных отношений и создании собственной семьи, Комитет отметил, что автор не представил достаточной информации, кроме общих заявлений, чтобы предположить, что это само по себе является следствием его статуса проживания. Что касается предполагаемой невозможности автора посещать свою мать, то Комитет также отметил, что автор не представил конкретной информации, указывающей на то, каким образом государство-участник препятствовало его возможности поддерживать семейные связи с матерью. В свете всех этих обстоятельств Комитет не мог сделать вывод о том, что отказ государства-участника в предоставлении автору постоянного вида на жительство являл собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 17 Пакта (пункт 10.3 Соображений).

Выводы Комитета: представленная информация не свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 17 Пакта (пункт 11 Соображений).

[Дело «Джон Айсли против Австралии»](#)⁵¹. Соображения приняты Комитетом по правам человека 26 января 2024 года. Сообщение № 3208/2018.

Правовые позиции Комитета: судебное разбирательство, связанное с высылкой иностранцев, не подпадает под определение «прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе» по смыслу статьи 14, а регулируется статьей 13 Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Комитет... напоминает о своей правовой практике, в соответствии с которой *возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемое другим членам семьи требование покинуть его территорию представляет собой такое вмешательство.* Комитет обращает внимание, что разлучение лица с его семьей посредством высылки может рассматриваться как произвольное вмешательство в дела семьи и как нарушение пункта 1 статьи 17 Пакта, если, судя по обстоятельствам данного

⁵¹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что его высылка из Австралии в Соединенное Королевство разрушит его семейную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 17 и пунктом 1 статьи 23 Пакта. Он отметил, что высылка разлучит его с гражданской женой, с которой он совместно живет уже 17 лет. Комитет пришел к выводу: вылав автора в Соединенное Королевство, государство-участник нарушило его права, предусмотренные пунктом 1 статьи 17 и пунктом 1 статьи 23 Пакта

дела, разлучение автора с его семьей и грозящие ему последствия такого решения *будут несоразмерны целям высылки* (пункт 8.2 Соображений).

Комитет напомнил, что понятие «произвольность» включает элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, а также рассмотрение элементов целесообразности, необходимости и соразмерности. Комитет также отметил, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на его территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки определенного лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены (пункт 8.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принято во внимание, что решение государства-участника о высылке лица, прожившего всю свою жизнь в данном государстве, вследствие чего он должен оставить свою семью и гражданскую жену, с которой он состоит в отношениях уже 17 лет, в страну, с которой его ничто не связывает, кроме его гражданства, следует рассматривать как «вмешательство» в семейную жизнь (пункт 8.3 Соображений).

Комитет счел, что *государство-участник не изучило вопрос о том, могло ли оно принять другие меры, которые бы имели менее ограничительный и менее пагубный характер для семейной жизни автора, и в силу этого оно не продемонстрировало, что высылка автора в данных конкретных обстоятельствах является разумной мерой*. Соответственно, Комитет пришел к выводу, что высылка автора представляла собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь и противоречит пункту 1 статьи 17 и пункту 1 статьи 23 Пакта (пункт 8.6 Соображений).

Выводы Комитета: выслав автора в Соединенное Королевство, государство-участник нарушило его права, предусмотренные пунктом 1 статьи 17 и пунктом 1 статьи 23 Пакта (пункт 9 Соображений).

[Дело «Нимо Мохаммед Аден и Либан Мохаммед Хассан против Дании»](#)⁵². Соображения приняты Комитетом по правам человека 8 июля 2019 года. Сообщение № 2531/2015⁵³.

⁵² Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 \(2020\)](#).

⁵³ Как усматривалось из текста Соображений, авторы утверждали, что отклонение их ходатайства о воссоединении семьи на территории Дании представляло собой незаконное вмешательство государства-участника в их право на семейную жизнь, защищаемое

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь, в котором в отношении термина «семья» указывается, что назначение Пакта требует, чтобы для целей статьи 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, *как она понимается в обществе соответствующего государства-участника*. В своем [3]амечании общего порядка № 19 (1990) о семье Комитет также отмечает – понятие «семья» в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства и подчеркивает, что *когда в законодательстве и практике какого-либо государства группа лиц рассматривается в качестве семьи, то она должна являться объектом защиты, предусмотренной статьей 23 Пакта* (пункт 10.3 Соображений).

Комитет напоминает, *статья 23 Пакта гарантирует защиту семейной жизни, включая заинтересованность в воссоединении семьи...* Право на защиту семейной жизни необязательно утрачивается из-за географического разделения семьи, супружеской неверности или отсутствия супружеских отношений. Тем не менее изначально должен существовать предмет защиты в форме семейных уз (пункт 10.4 Соображений).

Комитет обращает внимание – как правило, именно органы государств-участников должны оценивать факты и доказательства по рассматриваемому делу, с тем чтобы принять решение о применении внутреннего

статьями 17 и 23 Пакта. Они показали, что применение в их деле презумпции, предусмотренной пунктом 8 статьи 9 Закона об иностранцах, равносильно переносу бремени доказывания. Они подчеркнули, что не смогли эффективно оспорить эту презумпцию и добиться ее отмены, поскольку г-же Аден не была предоставлена возможность сделать устное заявление в Апелляционном совете по вопросам иммиграции. Таким образом, авторы отметили, что миграционные власти пришли к выводу о том, что их брак являлся принудительным, не было проведено тщательного расследования и возложено бремя доказывания исключительно на них, что является нарушением как статьи 17, так и статьи 23 Пакта. В пункте 8 статьи 9 Закона об иностранцах указано: «[п]ри отсутствии исключительных оснований, убедительно свидетельствующих об обратном... вид на жительство в соответствии с подпунктом 1 «i» не может быть выдан, если следует считать сомнительным, что брак был заключен или сожительство было установлено по собственному желанию обеих сторон. Если брак был заключен или сожительство было установлено между близкими родственниками или другими тесно связанными между собой сторонами, то следует считать сомнительным, что брак был заключен или сожительство было установлено по собственному желанию обеих сторон, если только конкретные основания, включая соображения уважения единства семьи, не свидетельствуют об обратном». С точки зрения Комитета, воссоединение семьи включается в сферу охвата защиты, предоставляемой статьей 23 Пакта (*Нгамби и Неболь против Франции* (CCPR/C/81/D/1179/2003), пункт 6.4). Комитет установил, что представленные факты свидетельствуют о неоправданном вмешательстве в семейную жизнь и о нарушении государством-участником статей 17 и 23 Пакта в отношении г-на Хассана.

законодательства ..., если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна явной ошибке или отказу в правосудии (пункт 10.5 Соображений).

[С]овместное проживание мужа, жены и ребенка должно рассматриваться как нормальное положение семьи (пункт 10.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было принято к сведению утверждение авторов о том, что отклонение их ходатайства о воссоединении семьи из-за презумпции, содержащейся в пункте 8 статьи 9 Закона об иностранцах⁵⁴, что равносильно переносу бремени доказывания, представляло собой незаконное вмешательство государства-участника в их право на семейную жизнь, защищаемое статьями 17 и 23 Пакта (пункт 10.2 Соображений).

Комитет отметил, что заключение авторами брака в Кении не оспаривалось, а было поставлено под сомнение (главным образом, то, как авторы могли доказать, что их отношения не являлись принудительным браком и они вступили в супружеские отношения на основе своего свободного и полного согласия). Комитет учел заключение Апелляционного совета по вопросам иммиграции, согласно которому авторы не смогли доказать наличие существенных оснований так полагать, в результате чего авторы не смогли эффективно оспорить и опровергнуть презумпцию принудительного брака в соответствии со статьей 9 (пункт 8) Закона об иностранцах. Комитет отметил: Совет обосновал свое решение тем, что авторы являются двоюродными братом и сестрой и не жили вместе до и после заключения брака и что Совет пришел к выводу о том, что они не смогли доказать наличие у них семейных уз, подлежащих защите. Вместе с тем Комитет напомнил следующее: это решение было принято без предоставления г-же Аден возможности сделать устное заявление и без вызова других свидетелей в Совет. Следовательно, датские иммиграционные власти не оценили супружеские отношения авторов на основе прямых свидетельских показаний г-жи Аден. Комитет также подчеркнул – применяемые государством-участником критерии оценки того, каким образом авторы могут доказать свои супружеские отношения (помимо совместного проживания) неясны поскольку авторы неоднократно информировали датские власти о том, что их брак был заключен по обоюдному согласию, что у них есть ребенок и что они часто общались как по телефону, так и во время визита г-на Хассана к своей супруге, все это позволяло предположить, что их отношения, продолжающиеся в течение последних семи лет, подпадают под определение «семьи» в соответствии со статьями 17 и 23 Пакта (пункт 10.6 Соображений).

⁵⁴ Речь шла о презумпции принудительного брака, заключенного в Кении.

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что правило презумпции, содержащееся в статье 9 (пункт 8) Закона об иностранцах, было разработано с целью защиты брака, заключенного при свободном и полном согласии. Однако с учетом вышеизложенного Комитет счел – *при оценке супружеских отношений авторов иммиграционные власти не учли должным образом супружеские отношения авторов в контексте их личной ситуации и культуры страны их происхождения* (пункт 10.7 Соображений).

Что касается утверждений авторов относительно статей 17 и 23 Пакта, то Комитет отметил, что действия государства-участника можно квалифицировать как препятствование воссоединению семьи в Дании.... Следовательно, отказ супругу в выдаче визы в страну, где проживает другой супруг и их совместный ребенок, может быть приравнен к вмешательству по смыслу статьи 17. Таким образом, Комитет резюмировал, что государство-участник не выполнило свое закрепленное в статьях 17 и 23 Пакта обязательство уважать ячейку семьи (пункт 10.8 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о неоправданном вмешательстве в семейную жизнь и о нарушении государством-участником статей 17 и 23 Пакта в отношении г-на Хассана (пункт 11 Соображений).

[Дело «Дипан Будлакоти против Канады»⁵⁵](#). Соображения приняты Комитетом по правам человека 6 апреля 2018 года. Сообщение № 2264/2013⁵⁶.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на [3]амечание общего порядка № 27 (1999) о свободе передвижения, в котором он указал, что *сфера охвата понятия «своя собственная страна» шире сферы охвата понятия «страна своего гражданства»*.⁵⁷ Это понятие не сводится к

⁵⁵ Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 \(2019\)](#).

⁵⁶ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что, отдав приказ о его депортации, государство-участник нарушило его права, зафиксированные в пункте 4 статьи 12 Пакта. Он указал, что считает Канаду «своей собственной страной» по смыслу статьи 12 Пакта. Он также утверждал, что в случае и по причине депортации он окажется в крайне уязвимом положении, поскольку он не владеет ни одним из языков страны, не знаком с ее обычаями и культурой, а в Индии происходят тяжкие и грубые нарушения прав человека. Автор высказал мнение, что его депортация в Индию будет носить произвольный характер и будет равнозначна необоснованному лишению его права на возвращение в свою собственную страну. Комитет установил, что депортация автора в Индию стала бы нарушением его прав, закрепленных в пункте 4 статьи 12, статье 17 и в пункте 1 статьи 23 Пакта.

⁵⁷ В силу статьи 12 Пакта «1. Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит в пределах этой территории право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства.

гражданству в формальном смысле, то есть к гражданству, приобретенному в силу рождения или предоставления; *оно распространяется как минимум на лицо, которое в силу его особых связей с конкретной страной или претензий на наличие таковых не может считаться просто иностранцем.* Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой он указал на наличие факторов помимо гражданства, которые могут свидетельствовать о наличии тесных и прочных связей того или иного лица с той или иной страной, – связей, которые могут быть более тесными, чем обусловленные гражданством. Комитет отметил, что *формулировка «своя собственная страна» предполагает рассмотрение таких вопросов, как длительность проживания, наличие тесных личных и семейных связей и намерения остаться в стране, а также отсутствие указанных связей за ее пределами* (пункт 9.2 Соображений).

Что касается утверждений о произвольном характере депортации автора, то Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой *вмешательство, предусмотренное законодательством, должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и должно в любом случае являться разумным в соответствующих конкретных обстоятельствах* (пункт 9.4 Соображений).

Рассматривая предполагаемые нарушения статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта, взятых в отдельности или в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица. Однако факт наличия у определенных членов семьи права оставаться на территории государства-участника сам по себе вовсе не означает, что предъявление другим членам семьи требования покинуть страну станет подобным вмешательством... Он далее напоминает, что разлучение лица с его семьей посредством его высылки может рассматриваться как произвольное вмешательство в семейную жизнь и как нарушение статьи 17 Пакта, *если с учетом обстоятельств соответствующего дела разлучение автора с его семьей с вытекающими из этого для него последствиями несоразмерно целям высылки* (пункт 9.5 Соображений).

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную.

3. Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами.

4. Никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну».

Комитет напоминает, что понятие «произвольность» включает в себя элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Комитет также указывает: соответствующие критерии определения вопроса о том, может ли конкретный акт вмешательства в семейную жизнь считаться объективно обоснованным следует рассматривать в свете, с одной стороны, весомости аргументации государства-участника в пользу высылки определенного лица и, с другой стороны, с учетом степени лишений, которые будут испытывать семья и ее члены в результате такой высылки (пункт 9.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [к]асаясь жалобы автора, относящейся к пункту 4 статьи 12 Пакта, Комитет должен прежде всего рассмотреть вопрос о том, являлась ли Канада «собственной страной» для автора для целей этого положения и будет ли его депортация из Канады и лишение права на въезд в эту страну носить произвольный характер (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отметил отсутствие заявлений, оспаривающих те факты, что автор родился в Канаде, прожил в ней всю жизнь и получил в этой стране образование. Его родители и брат проживали в Канаде, и все они являются гражданами этой страны. Автор никогда не проживал в Индии и побывал в этой стране всего лишь один раз в возрасте 11 лет в течение двух недель, причем в деле нет никаких свидетельств наличия у него отношений или связей с кем-либо в Индии. Кроме того, автор утверждал, что ни он, ни его родители не обращались с ходатайством о предоставлении ему канадского гражданства, поскольку, по их убеждению, он являлся гражданином Канады в силу факта своего рождения в Канаде, то есть по праву почвы, причем, по их мнению, такая позиция подтверждается тем фактом, что *автору дважды выдавался канадский паспорт и что его брат (который также родился в Канаде) являлся канадским гражданином*. Комитет отметил, что если бы автору не был в свое время выдан канадский паспорт, то он бы намного раньше осознал, что его не считают канадским гражданином, и тогда бы уже с этого момента он мог начать ходатайствовать о гражданстве. Поэтому, принимая во внимание особые обстоятельства этого дела, в том числе наличие уз, тесно связывающих автора с Канадой, присутствие в Канаде его семьи, язык, на котором он говорит, продолжительность его пребывания в стране, неразбериху по поводу его гражданства и отсутствие каких-либо связей с Индией, за исключением, в лучшем случае, официального гражданства, которое еще не подтверждено, Комитет счел доказанным автором, что Канада являлась его собственной страной по смыслу пункта 4 статьи 12 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Комитет принял к сведению приведенный государством-участником довод о том, что высылка автора в Индию являлась разумной в конкретных обстоятельствах его дела и соразмерной тяжести его преступлений. В данном

случае, принимая во внимание тот факт, что автор был осужден дважды еще в 2009 и 2010 годах, что он не совершил новых преступлений после освобождения, что в его досье нет данных, свидетельствующих о его осуждении за насильственные преступления, а также его заверения в том, что он «[исправился]», Комитет счел, что вмешательство в реализацию автором своих прав, зафиксированных в пункте 4 статьи 12, было бы несоразмерным заявленной правомерной цели недопущения совершения дальнейших преступлений. В данных обстоятельствах Комитет пришел к выводу о том, что депортация автора в Индию стала бы нарушением его прав, провозглашенных в пункте 4 статьи 12 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Комитет отметил, что в данном случае в действующем в государстве-участнике Законе об иммиграции и защите беженцев прямо предусматривается, что постоянный вид на жительство негражданина может быть аннулирован, если житель страны осужден за преступление, за которое назначено наказание в виде тюремного заключения на срок более 6 месяцев. Комитет также принял к сведению выдвинутый государством-участником довод о том, что высылка автора в Индию являлась разумной с учетом обстоятельств его дела и соразмерна тяжести его преступлений. Комитет... принял к сведению утверждения автора о том, что у него нет связей с Индией; что он поддерживает тесные отношения со своими родителями и братом; что его депортация полностью разрушит его семейные связи в силу того, что его семья будет не в состоянии посещать его в Индии по материальным соображениям; а также что он интегрирован в канадское общество и вернулся к нормальной жизни. Комитет отметил, что между сторонами отсутствовало согласие о том, насколько тесными являлись связи между автором и его семьей. Вместе с тем он учел заявление автора о том, что в настоящее время он проживает со своим братом и желает сохранить тесные отношения со своей семьей. Он также установил, что в качестве условия его освобождения из заключения было поставлено проживание автора со своими родителями. В этих обстоятельствах Комитет выразил мнение, что его депортация в Индию отрицательно скажется на его семейных связях. Комитет пришел к выводу о том, что вмешательство в семейную жизнь автора было бы несоразмерным правомерной цели недопущения совершения им новых преступлений (пункт 9.7 Соображений).

Выводы Комитета: депортация автора в Индию стала бы нарушением его прав, закрепленных в пункте 4 статьи 12, статье 17 и пункте 1 статьи 23 Пакта (пункт 10 Соображений).

[Дело «Д.Т. против Канады»](#)⁵⁸. Соображения приняты Комитетом по правам человека 15 июля 2016 года. Сообщение № 2081/2011⁵⁹.

⁵⁸ Ранее опубликовано в [Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 \(2017\)](#).

Правовые позиции Комитета: возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет связан с вмешательством в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемые другим членам семьи требования покинуть его территорию, представляют собой подобное вмешательство (пункт 7.4 Соображения).

Комитет обращает внимание, что понятие «произвольность» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Комитет отмечает, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки указанного лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены (пункт 7.6 Соображения).

Комитет напоминает о принципе, согласно которому *во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов* (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения относительно статьи 24 Пакта, то Комитет считает, что *принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица со стороны его семьи, общества и государства, согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта* (пункт 7.10 Соображения).

[П]ринцип учета обеспечения наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта (пункт 7.12 Соображения).

⁵⁹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что она и ее сын являются жертвами нарушения Канадой статей 17 и 23 (1) Пакта и что ее сын также являлся жертвой нарушения статьи 24 (1). Она утверждала, что ей и ее сыну грозит непоправимый вред в случае депортации в Нигерию. Комитет установил, что депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении ее сына.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было отмечено утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 24 Пакта, в случае, если он отправится с ней в Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, то он был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (пункт 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении статьи 17 и пункта 1 статьи 23 [Пакта] Комитет отметил приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], и в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (пункт 7.4 Соображения).

В данном случае Комитет счел, что вопрос о депортации матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника, представлял собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет должен был определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с пунктом 1 статьи 23 [Пакта] (пункт 7.5 Соображения).

Комитет отметил, что высылка автора преследовала законную цель – выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужило отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца и это ходатайство не имело такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство за пределами страны (пункт 7.7 Соображения).

Комитет учел: сын автора сообщения А.А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал в Нигерию с матерью в возрасте семи лет. А.А. страдал от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях педиатра-хирурга указано, что эта проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отметил, что сын автора страдал от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью, в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в

Канаде с участием специалистов в области специального образования (пункт 7.8 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка являлось доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носило гипотетический характер. Кроме того, государство-участник сочло, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (пункт 7.9 Соображения).

Комитет подчеркнул, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. *Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит.* Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. *С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья – сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, – не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам.* Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель – обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. Таким образом, Комитет счел, что решение о высылке автора представляло собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображения).

В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Пакта Комитет пришел к выводу, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24 [Пакта], поскольку при этом для А.А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении А.А. (пункт 8 Соображения).

[Дело «Мансур Лигаэй и другие против Австралии»](#)⁶⁰. Соображения приняты Комитетом по правам человека 26 марта 2015 года. Сообщение № 1937/2010⁶¹.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правоприменительную практику, согласно которой отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица... Комитет считает, что если решение государства-участника подразумевает обязательный выезд из страны отца семейства, в составе которого имеется несовершеннолетний ребенок, а также вынуждает семью выбирать, следует ли ей сопровождать отца или оставаться в государстве-участнике, то оно должно рассматриваться в качестве вмешательства в дела семьи, по меньшей мере в обстоятельствах, когда... в любом случае будут иметь место существенные изменения в давно установившейся семейной жизни (пункт 10.3 Соображений).

Комитет напоминает, что понятие «произвольность» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры. Комитет считает, что нарушение давно установившейся семейной жизни накладывает на государство-участника дополнительное бремя с точки зрения процедуры, ведущей к такому нарушению (пункт 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принято к сведению утверждение автора, согласно которому отказ государства-участника выдать ему визу, повлекший за собой вынужденный отъезд из страны, явился произвольным вмешательством в его семейную жизнь по смыслу статей 17 и 23 Пакта и нарушил права его дочери, предусмотренные в статье 24 Пакта, поскольку в момент отъезда она была несовершеннолетней и ей не была оказана та защита, на которую она имела право в соответствии с

⁶⁰ Ранее опубликовано в [Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 \(2015\)](#).

⁶¹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что из-за решения об отказе в выдаче ему постоянной визы для пребывания в Австралии ему грозит выдворение из Австралии в Исламскую Республику Иран, что является нарушением целого ряда его прав и прав его жены и детей в соответствии со статьями 2, 13, 17, 23, 24 и 26 Пакта. Комитет установил, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении положений статьи 17 в совокупности с положениями статьи 23 Пакта в отношении автора и его семьи.

этим положением. Комитет отметил довод государства-участника, согласно которому решение о том, поедут члены семьи вместе с автором в Исламскую Республику Иран или останутся в Австралии, является сугубо внутрисемейным делом и действия государства никакого разлучения членов семьи не спровоцировали. Комитет... обратил внимание на утверждение государства-участника о том, что при принятии решения, повлекшего за собой отъезд автора из страны, интересам несовершеннолетнего ребенка было уделено должное внимание, но возобладали в деле императивные соображения национальной безопасности (пункт 10.2 Соображений).

Комитет установил, что автор сообщения прожил со своей семьей в Австралии 16 лет, и местные органы никогда ранее ничего не вменяли ему в вину и не выносили ему предупреждений относительно его личного поведения. Два его старших сына начиная с 2003 года являлись гражданами Австралии, его младшая дочь родилась и пошла в школу в Австралии, завязав здесь свои социальные связи. Рассмотрев заявку автора на получение постоянной визы, государство-участник приняло решение не выдавать ее автору (по имевшимся с его точки зрения «императивным соображениям безопасности»), предоставив в то же время остальным членам семьи возможность и дальше пребывать на своей территории. В итоге жена автора не захотела жить в разлуке со своим мужем, они вместе решили, что их несовершеннолетней дочери лучше остаться с ними, и, поскольку автору было отказано в праве оставаться в стране, то 27 июня 2010 года они покинули Австралию (пункт 10.3 Соображений).

В данном случае на момент отъезда автор прожил на территории государства-участника на законных основаниях более 16 лет и, судя по всему, без всяких юридических ограничений, причем государство-участник этот факт не отрицает. Автору так ни разу официально и не сообщили, на чем основывался отказ в выдаче визы, из-за которого он был вынужден покинуть страну; ему только в общих словах объяснили, что он представляет угрозу национальной безопасности, о чем свидетельствуют справки о его неблагонадежности, с которыми его не ознакомили даже в виде резюме. При этом его юридическим представителям дали возможность ознакомиться с имеющимися против него сведениями, но постановлением судьи им было запрещено сообщать автору любую информацию, благодаря которой он мог бы дать им в ответ указания и оспорить заключение, согласно которому он представляет угрозу национальной безопасности (пункт 10.4 Соображений).

С учетом того, что автор прожил в Австралии 16 лет на законных основаниях и все это время имел устоявшуюся семейную жизнь, а также в силу отсутствия какого-либо объяснения со стороны государства-участника тех причин, по которым его лишили права на дальнейшее пребывание в стране, ограничившись заявлением общего порядка, что это делается по «императивным соображениям национальной безопасности», то Комитет сделал вывод о том, что должная процедура в действиях государства-

участника отсутствовала. Соответственно, государство-участник не предоставило автору обоснованное и объективное оправдание своего вмешательства в его устоявшуюся семейную жизнь (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении положений статьи 17 в совокупности с положениями статьи 23 Пакта в отношении автора и его семьи (пункт 11 Соображений).

в сфере исполнительного производства (в аспекте защита прав и законных интересов детей)

практика Комитета ООН по правам человека

[Дело «Н. Р. против Парагвая»](#)⁶². Соображения приняты Комитетом по правам ребенка 3 февраля 2020 года. Сообщение № 30/2017⁶³.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Конвенции [о правах ребенка] государства-участники обязаны уважать право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка: задача сохранения семейного окружения предусматривает также и сохранение связей ребенка в более широком смысле. Такие связи [...] особенно важны в тех случаях, когда родители прекратили совместное проживание или живут в разных странах (пункт 8.4 Соображений).

Комитет считает, что судебные разбирательства на предмет установления прав ребенка на общение с родителем, с которым он разлучен, должны проводиться оперативно, поскольку утраченное время может иметь непоправимые последствия для их отношений. Это подразумевает *оперативное исполнение решений, принятых в результате таких разбирательств* (пункт 8.7 Соображений).

Комитет напоминает, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств входит в компетенцию национальных органов власти за исключением случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или равнозначным отказу в правосудии. Задача Комитета состоит в обеспечении того, чтобы их оценка не была произвольной или

⁶² Ранее опубликовано в [Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 \(2020\)](#).

⁶³ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что власти государства-участника не учитывали принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, как этого требует статья 3 Конвенции, так как не приняли никаких мер для исполнения решения, устанавливающего режим общения автора со своей дочерью. Комитет установил нарушение статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции.

равнозначной отказу в правосудии и чтобы первоочередное внимание при этой оценке уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было установлено, что: а) государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения исполнения окончательного решения № 139 от 30 апреля 2015 года о режиме посещений и других формах контактов и что последствия этого решения по-прежнему имеют место после 20 апреля 2017 года – даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника; б) автор был вынужден жаловаться на задержки в судебном разбирательстве; с) несмотря на доклад социального работника власти государства-участника не приняли ни одной из предусмотренных в его законодательстве мер для обеспечения исполнения окончательного решения № 139 от 30 апреля 2015 года (пункт 8.3 Соображений).

Комитет отметил, что решением № 139 от 30 апреля 2015 года был установлен режим посещений для автора и его дочери. Однако несмотря на неоднократные просьбы автора на протяжении многих лет об исполнении этого решения и на решение суда от 25 апреля 2017 года, предписывающего матери содействовать общению автора с К.Р. через программу «Skype», это решение так и не было исполнено. Комитет учел довод автора, не опровергнутый государством-участником, о том, что, несмотря на решение о привлечении социального работника и решение о принятии временной меры в виде организации общения через школу Сан-Хосе, К.Р. не могла воспользоваться своим правом на поддержание прямых, личных и регулярных контактов со своим отцом на протяжении более чем четырех лет (пункт 8.6 Соображений).

Комитет принял к сведению не оспоренный государством-участником довод автора о том, что, несмотря на его многочисленные попытки обеспечить соблюдение режима посещений, установленного решением суда от 30 апреля 2015 года, это решение не было исполнено, и ему не удавалось поддерживать регулярное и полноценное общение со своей дочерью на протяжении многих лет. В этой связи Комитет учел полученную социальным работником от матери и включенную в промежуточное решение № 60 от 25 апреля 2017 года информацию о том, что у нее не было финансовых средств для подключения к Интернету и что ее дочь сама не хотела приезжать к отцу на каникулах, поскольку не проводила с ним много времени. В момент вынесения своего решения суд счел, что общение девочки с отцом отвечало ее интересам. Если бы это судебное решение было исполнено на практике, то можно было бы избежать проблемы постепенного отдаления девочки от отца. В этой связи Комитет решил, что власти не приняли в надлежащее время достаточных мер для обеспечения исполнения вышеупомянутого решения матерью ребенка (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции. Учитывая конкретные обстоятельства данного дела, в частности длительный период времени, прошедший с момента принятия в 2015 года решения суда, устанавливающего режим общения, и принимая во внимание юный возраст дочери автора на тот момент, Комитет резюмировал, что власти не обеспечили своевременное исполнение решения суда на практике и не приняли необходимых мер для того, чтобы гарантировать общение автора со своей дочерью. Комитет пришел к выводу – это равносильно нарушению статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции (пункт 8.8 Соображений).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.